

А. С. Орловъ.

ОБЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ ФОРМЫ
РУССКИХЪ ВОИНСКИХЪ ПОВѢСТЕЙ

(КОНЧАЯ XVII В.)

ИЗДАНИЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульварь.
1902.

Изучая повѣсти о взятіи Азова въ 1637 г. и объ осадѣ его Турками въ 1641 г., я убѣдился въ тождествѣ литературныхъ приѣмовъ этихъ повѣстей съ цѣлымъ рядомъ другихъ памятниковъ старой русской письменности, посвященныхъ описанію войнъ. Сходство выраженій различныхъ воинскихъ повѣстей въ главныхъ чертахъ уже отмѣчено въ I томѣ изслѣдованія Е. В. Барсова «Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси», гл. III—VII.

Матеріалъ, приведенный Е. В. Барсовымъ и представляемый нѣсколькими другими, непривлеченными имъ къ изслѣдованію памятниками, приводитъ къ такому заключенію. Воинскія повѣсти составляютъ отдѣльный литературный родъ, который выработалъ себѣ цѣлую группу постоянныхъ формулъ—*loci communes*. Я пользуюсь здѣсь терминомъ изслѣдователей народной словесности потому, что вижу сходство въ процессѣ творчества боевыхъ старинъ и книжныхъ воинскихъ сказаній. То есть я думаю, что какъ у сказителей, такъ и у книжниковъ, выработался извѣстный художественный шаблонъ, который служилъ имъ готовою канвою для того или другого сюжета. Формулы воинскихъ повѣстей въ большинствѣ случаевъ повторялись не вслѣдствіе текстуальнаго заимствованія, а просто благодаря тому, что въ сознаніи ихъ авторовъ воинскія картины облекались стереотипными выраженіями хорошо знакомаго книжникамъ литературнаго рода. Знакомство это не предполагаетъ большой начитанности и облегчалось тѣмъ, что на Руси искони существовалъ обычай соединять однородныя произведенія въ сборники. Для образованія и признанія извѣстнаго шаблона воинскихъ повѣстей громадную роль играли лѣтописные своды, гдѣ почти каждый бой описывался въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ ¹⁾.

¹⁾ Отмѣчать случаи несомнѣннаго текстуальнаго заимствованія въ воинскихъ повѣстяхъ не входитъ въ задачу настоящаго труда; впрочемъ кое какія указанія на это будутъ сдѣланы далѣе. Теперь же ограничусь замѣчаніемъ, что случаи заимствованія хуже всего опредѣляются посредствомъ сближенія однородныхъ формулъ,—

Группа формулъ, служившихъ стереотипною оболочкою для сюжета воинскихъ повѣстей, установилась въ большей своей части очень рано. По указанію Е. В. Барсова (С. о п. И., I, 3, 217)—уже отъ XI—XII в. мы имѣемъ русскій художественный переводъ сказанія Юсифа Флавія о разореніи Іерусалима, гдѣ употреблены стереотипныя выраженія строго установившагося литературнаго рода и ими частію дополненъ греческій текстъ ¹⁾. Эти выраженія, конечно при нѣкото-

Юсі communes не даютъ здѣсь твердыхъ основаній, ибо встрѣчаются въ массѣ памятниковъ. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ формулъ такъ своеобразны и рѣдки, что ими смѣло можно пользоваться для доказательства заимствованія, напр. Александръ Невскій «самому королю возложи печать на лице острымъ своимъ мечемъ» Воскр. 1241, П. С. Р. Л. VII, 148, ср. «и самого местера мечемъ своимъ рани (Домантъ) по лицу» іб. 1272. 171. Въ подобныхъ случаяхъ выводы облегчаются указаніями самихъ авторовъ на свой источникъ, напр. въ Иномъ сказаніи, пользовавшемся формулами повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ, прямо сказано «и брань зѣло страшна бысть, якоже и на Дону у великаго князя Дмитрея съ Мамаемъ» Рус. Истор. Библ., т. XIII, 31. Въ заключеніе представлю основанія, которыя позволяютъ думать, что Повѣсть о разореніи Рязани Батыемъ находится подъ вліяніемъ Повѣсти Искандера о взятіи Царьграда Турками въ 1453 году: «единъ боишеса съ тысящею, а два со тмою» Ряз. Срезневскаго, Свѣд. и Замѣт. XXXIX, 84, «единъ боишесъ съ тысящею, а два съ тмою» Искан., а. Леонидъ, П. Д. II., 1886, 7; «Батыево же войско прменяшеса, а гражане непремѣнно бяхуса» 85, «Турки же по вся мѣста бяхуса безъ опочиванія день и ночь прменяющеса. не дающе ни мало опочити градцкымъ» Искан. 8, ср. 12, 35; «Еупатей же исполниъ силою» Ряз. 87, 2 р., цесарь «великъ бо бѣ зѣло и . полинъ силою» Искан.; Евпатій «наѣхавъ и разсѣче Хостоврула на полы до сѣдла», «овихъ на полы пресѣкоша, а иныхъ до сѣдла краяша» Ряз. 87, цесарь «разсѣкаше ихъ на двое, а иныхъ пресѣкая на полы» Искан. 22, цесарь «разсѣче его (Бегиларъ-бея) до сѣдла» Искан. 34; «видя князь Ингваръ Ингоревичъ великую конечную погибель... и жалостно воскричаше... и отъ великаго кричанія, и вопля страшнаго лежаше на земли, яко мертвъ, и едва отольяша его и носяша по вѣтру, и едва отходи душа его въ немъ» Ряз. 38, «и яко услыша цесарь глаголы ихъ (объ отшествіи свѣта изъ церкви Премудрости Божіей на небо), паде на землю, яко мертвъ, и бысть безгласенъ на многъ часъ, едва отольяше его араматыными водами» Искан. 24, ср. отливаніе пораженнаго ядромъ Зустунѣи (30); ср. цѣлованіе главы Олега Ингваремъ (90) и цѣлованіе Магометомъ главы цесаря (39). Кромѣ того въ Пов. о раз. Рязани есть слово «санчакѣи» (87). постоянно встрѣчающееся у Искандера и рѣдкое въ другихъ памятникахъ русской письменности.

¹⁾ Онѣ подобраны у Барсова въ I т., 3, стр. 235, 241, 242, 246, 247. «Поразительное сходство перевода съ Кіевскою Лѣтописью показываетъ не только то, что тотъ или другая относятся къ одной и той же эпохѣ и дружинной средѣ,

ромъ видоизмѣненіи, можно прослѣдить за весь допетровскій періодъ русской литературы. Что касается до происхожденія ихъ, то возможно предположеніе, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ свой источникъ въ иноземной литературѣ и создались частію путемъ прямого перевода («стрѣлы омрачиша свѣтъ» и др. Барсовъ I, 3, 243) ¹⁾.

Уже въ XII в. ясно развиты два вида воинскихъ повѣстей, книжный, слѣдующій литературнымъ традиціямъ письменности, и народно-поэтической, пользовавшійся образами устной поэзіи, напр. Сказаніе о походѣ Игоря на Половцевъ въ лѣтописяхъ и въ Слово о полку Игоревѣ. Формулы этихъ двухъ типовъ отличаются другъ отъ друга, причемъ видимость народно-поэтического вида имѣла меньшее вліяніе на произведенія письменности. Разница формулъ упомянутыхъ видовъ сказывается, напримѣръ, при сравненіи лѣтописи и перевода І. Флавія со Слово о полку Игоревѣ. При необычайной близости выраженій лѣтописи и Іосифа Флавія, Слово о полку Игоревѣ совпадаетъ съ ними въ ограниченномъ числѣ случаевъ. Важность раздѣленія формулъ книжныхъ и народно-поэтическихъ сказывается въ тѣхъ ошибкахъ, которыя допускаются изслѣдователями при опредѣленіи вліянія устной поэзіи на письменность. Такъ, напримѣръ И. П. Хрущовъ («О др.-рус. истор. повѣстяхъ и сказаніяхъ», стр. 92) говоритъ: «въ слѣдующихъ словахъ лѣтописателя о Лиственской битвѣ слышится пѣсня: «И бывши ноци, бысть тма, молонья и громъ, дождь... и бысть сѣча сильна, яко просвѣташе молонья, блещашеться оружіе, и бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна». Эта картина — часть *книжного* боевого шаблона, она встрѣчается и въ переводѣ Іосифа Флавія и въ битвѣ Ярослава съ Святополкомъ, и поэту нѣтъ никакого основанія видѣть здѣсь вліяніе пѣсни. Что касается *меньшаго* вліянія народно-поэтического вида, то это можетъ быть объяснено 1) художественной оригинальностью, которая меньше всего поддается подражанію, 2) тѣмъ, что образы народной устной поэзіи, которые привлекали памятникъ, становятся уже нѣсколько чуждыми и непонятными для книжниковъ болѣе поздней эпохи. Примѣромъ послѣдняго можетъ служить Слово о полку Игоревѣ, авторъ котораго несомнѣнно пользовался образами

но и то, что существовалъ уже тогда выработанный литературный языкъ, состоявшій изъ богатаго запаса техническихъ терминовъ и установившихся приемовъ, выраженій и оборотовъ» ib., 255.

¹⁾ «Многія выраженія, встрѣчающіяся въ Лѣтописи и повторяемые въ переводѣ Флавія, почти въ самой буквѣ отвѣчаютъ греческимъ и потому очевидно обязаны своимъ происхожденіемъ Греческой словесности» I, 3, 256.

устной поэзіи. Спустя три вѣка эти образы были уже мало доступны пониманію подражателей Слова (Мамаево побоище); они, поэтому, даже не рѣшались повторить лучшихъ его картинъ, или, находясь въ рабскомъ подчиненіи у нихъ, искажали ихъ и употребляли не у мѣста (ср. Барсовъ I, 7, 443). Прошло еще три вѣка—и авторъ поэтической редакціи Повѣсти объ Азовскомъ осадномъ сидѣніи почти совершенно отрѣшился отъ поэтическихъ образовъ извѣстной ему Задонщины, воспользовавшись выраженіями современной ему народной поэзіи. Вообще я думаю, что устная поэзія значительно измѣнила свою оболочку за время отъ созданія Слова о полку до Задонщинъ и отъ созданія Задонщинъ до Азовскихъ сказаній. Вотъ въ этомъ то историческомъ видоизмѣненіи устнаго творчества и слѣдуетъ видѣть причину непониманія его старыхъ образовъ памятниками позднѣйшихъ эпохъ, слѣдствіемъ чего является слабость вліянія народно-поэтическихъ памятниковъ письменности. Въ противоположность этому виду повѣстей, литературная схема повѣстей книжныхъ была вполне доступна пониманію авторовъ всѣхъ вѣковъ—до Петровскаго періода, и отъ XI до XVII в. повторялась многое число разъ, съ сохраненіемъ самыхъ мелкихъ своихъ чертъ (напр. почти вездѣ встрѣчаются выраженія: «иныхъ избивша, иныхъ живыхъ руками понмана», «давъ плечи побѣгоша»). Впрочемъ и здѣсь нѣкоторыя образныя выраженія стараго времени не всегда оставались понятными. Такъ, напримѣръ, любимое выраженіе Ипатьевской лѣтописи—полки выступали «аки борове» — для Воскресенской лѣтописи было чуждо и она передала это картинное сравненіе такъ: «выступиша, аки идоли» (см. ниже). Или, напримѣръ, древнее выраженіе «утерь пота», популярное въ лѣтописяхъ (нпр. Лавр. 122, Ипат. 218, 436) и вообще нерѣдко встрѣчающееся въ повѣстяхъ вплоть до XVII в. (Мамаево поб. П. С. Р. Л. VI, 96, Казанское взятіе 1552 г. ib. 313, Пов. кн. Хворостинина, Рус. Ист. Биб., т. XIII, 553), было не понято авторомъ повѣсти о Казанскомъ взятіи, который выразился «утерь поту *лица своего*». Здѣсь, такимъ образомъ, синонимическое выраженіе труда («Римляне же толикъ потъ пріимше»—*Ρωμαίοι δὲ τοσαῦτα χιμόντες*, I. Флавія, Барсовъ I, 3, 229; ср. «одва могоша и взяти съ великимъ потомъ» Ипат. 1280, изд. 1871 г., 582) было понято въ прямомъ смыслѣ, какъ простое физическое дѣйствіе.

Въ исторіи развитія воинскихъ повѣстей большую роль играло татарское нашествіе; оно было причиною усиленія религіозной стихіи, зачатки образовъ которой были даны сказаніями, посвященными борьбѣ со старыми безбожными врагами Руси — Половцами. Такъ создались воинскія повѣсти съ элементомъ заступничества божественной силы,

съ видѣніями ангельскихъ полковъ, Богородицы и святыхъ, со знаменіями отъ иконъ и т. п. Въ нихъ вошли формулы агіографической литературы: татары описываются чертами мучителей, ярость и устремленіе ихъ возражается звѣринными образами Діоклеціановъ и т. п. Русскіе идутъ «пострадать» и «принять вѣнци нетлѣнныя». Усиливаются описанія опустошеній, сопровождающихся святотатствомъ и опозореніемъ женщинъ, что мѣтко охарактеризовано въ сказаніи Авраамія Палицына: «идѣже пролита бѣ мучиническая кровь, на томъ же мѣстѣ бяше и бѣснованія блудна одръ» Рус. Ист. Биб., т. XIII, 515. Схема этихъ опустошеній встрѣчается со времени татарскаго нашествія въ массѣ словъ и поученій и, выражаясь въ болѣе или менѣе стереотипныхъ образахъ, имѣетъ своимъ основаніемъ «пророческое слово», приведенное лѣтописью нѣсколько разъ: «и бѣ пророческое слово сбываемо зряще: Боже! прідоша языци въ достояніе твое, и оскверниша церковь святую твою; и пакы: положиша трупія рабъ твоихъ брашно птицамъ небеснымъ, и плоти преподобныхъ твоихъ зверемъ земнымъ» П. С. Р. Л. VII, 157, убіеніе Батыея 1247 г.; Твер., XV, 292, 1203, взятіе Кіева; Л. Авраамки, XVI, 126, 1382 г., Тахтамышь. Въ повѣстяхъ этой эпохи усиливается элементъ молитвословій (Барсовъ I, 5, 318), опредѣляемыхъ въ большинствѣ случаевъ выраженіями Псалтири ¹⁾. Стиль подобныхъ повѣстей имѣетъ два вида. Въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ повѣ-

¹⁾ Наиболѣе популярною цитатою въ молитвахъ и рѣчахъ является видоизмѣненный 10-й стихъ 113 псалма «да не когда рекутъ языци: гдѣ есть Богъ ихъ», см. Повѣсть о погиб. Батыея (Воскр. 1147, 158), Повѣд. о Мам. поб. (Снегирева, 3 т. Сб. Истор., стр. 48), Лѣтон. пов. о томъ же (П. С. Р. Л. VI, 92), Пов. о взятіи Царьграда Искандера (Леонидъ 33). Пов. о Казан. вз. 1552 г. (П. С. Р. Л. VII, 311), Пов. о Влад. вк. Б. М. (Библ. мат. А. Попова № 19, 20, Степ. кн. I, 546), Пов. о нѣк. брани (Рус. Истор. Библ. т. XIII, 258), Пов. о взят. Азова 1637 г. истор. ред. Цитата эта употребляется издавна, она есть уже въ лѣтописной повѣсти о нападеніи Боняка. Вообще въ рѣчахъ повѣстей, посвященныхъ борьбѣ съ поганями, старые формулы лѣтописей—за честь, отчину, правду и т. д.—уступили мѣсто выраженіямъ религіознаго характера. Въ рѣчахъ и молитвословіяхъ повѣстей указаннаго типа выражается готовность биться, пролить кровь, пострадать, сложить головы, умереть—за вѣру, христіанъ, Божія церкви (домъ Богородицы — ж. Доманта Пск., Тихв. Унд. № 406) и за царя (Соф. П, 1470, Повѣсть Искандера, Тихв. Унд. № 406, Пов. о вз. Азова истор. редакція). Старые термины сохранились въ Пов. о раз. Рязани Батыемъ (за отчину, ср. Дом. Псков. Воскр. 1265, П. С. Р. Л. VII, 166, Каз. вз. 1552 г., П. С. Р. Л. VII, 311—за отечество) и въ Задонщинахъ (за рус. землю, за обиду; за обиду есть и въ Пов. объ Азов. взятіи ист. редакція).

ствование сосредоточивается вокругъ исторіи той или другой святыни, онъ отличается отъ стили повѣстей собственно воинскихъ, въ которыхъ божественное вмѣшательство является лишь однимъ изъ эпизодовъ разсказа. Отличіе перваго вида повѣстей заключается въ меньшемъ количествѣ подробностей воинской практики. Это точно отмѣчено въ сказаніи о Тихвинской иконѣ Божіей Матери, при описаніи приступа Шведовъ: «многія же и иныя брани ко обители Богоматере от зловѣрныхъ зѣлне быша, о нихъ же нынѣ подробну исповѣди нсть потреба, но милость Богоматере да глаголется, а не ратныхъ обычай» Унд. № 406, л. 148 об.

Литературная ободочка воинскихъ сюжетовъ создавалась на основаніи:

1. Отдѣльныхъ терминовъ и формулъ.

2. Стереотипной схемы послѣдовательнаго дѣйствія (напр. неудача, затѣмъ плачь, молитва и т. п.).

3. Извѣстной идеи, патріотической или религіозной (напр. наведеніе непріятелей по дѣйству дьявола, грѣхъ ради нашихъ и т. п.).

Есть возможность предполагать, что формулы литературныхъ произведеній сознавались въ старину, какъ нѣчто стереотипное. Существованіе этого сознанія можетъ быть доказано прежде всего тѣмъ, что въ одномъ и томъ же произведеніи аналогичные эпизоды излагались одними и тѣми же словами. Въ этомъ отношеніи характерные примѣры даетъ Повѣсть кн. И. М. Катырева-Ростовскаго (Русск. Истор. Библ., т. XIII), формулы которой повторяются очень послѣдовательно: «и брань плить жесточайшая на обѣ страны, падаютъ трупіе мертвыхъ сѣмо и овамо» 572, 586, 601; «поля обрѣтають и усты меча гонятъ» 573, 589, 591, «силу восхищаютъ и усты меча гонятъ» 601, 609, 614, ср. 572; «и тако плить брань жесточайшая чрезъ день; уже солнцу уклоншуся на западь и покрься земля ношною тмою и тако преста брань» 572 — 573; почти въ тѣхъ же выраженіяхъ это описаніе повторено на 590 и 598 стр.; «пачаша шатры ставити и почиша сномъ, токмо стражіе не спятъ» 591, 596, ср. 598, 573 и 610. Авторы сами отмѣчали сознаніе формулъ. Такъ, въ концѣ полуразложившейся исторической пѣсни о кончинѣ кн. Михаила Шуйскаго сказано: «преставися князь Михайло Васильевичъ, и тогда убо стекаются ко двору его... по писаному юноши и дѣвы, и старцы со юношами, и матери со младенцы и всякъ возрастъ чловѣчь» («Избор. слав. и рус. соч. и стат.», А. Поповъ, 1869, 384). Эта книжная формула народной толпы приведена авторомъ «по писаному», т. е. какъ обыкновенно она пишется. Дѣйствительно въ житіяхъ свя-

тыхъ она употребляется очень часто, и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ перечисляетъ возрасты собравшихся. Сознаніе литературнаго шаблона боя выразилось очень рано. Въ «Словѣ св. Іоанна Златоустаго въ недѣлю всѣхъ святыхъ», встрѣчающемся уже въ Успенскомъ Сборникѣ XII в., проповѣдникъ проводитъ параллель между битвою и подвигомъ мученичества: «хощеши ли навькнути, яко же рати то страшиѣе есть мученическо мѣню. Что бо есть страшно на брани: пълъци на обѣ сторонѣ стануть оковани, блистающа оружїемъ и землю свѣтлїце облаци стрѣлами пуцаются, всюдю закрывающе въздухъ множествомъ, рѣки кровавы текутъ отъ всюдю, и много паденїе обоиде, акы на жатви класомъ. Сице убо воиномъ другъ на друга идущемъ. Сѣ убо отъ тѣхъ на сїю тя приведу брань—и съде двѣ въпльчени, ово мученичско, ово мучительско» (Библиогр. матеріалы, собр. А. Н. Поповымъ, № 20, изд. В. Щепкинъ, стр. 118). Здѣсь мы видимъ *exemplum fictum*, вымышленную картину боя, составленную изъ стереотипныхъ книжныхъ формулъ. Это—стереотипная литературная оболочка, въ отвлеченіи отъ сюжета.

Прежде чѣмъ разсматривать литературный шаблонъ воинскихъ повѣстей, слѣдуетъ оговориться объ отношеніи къ нему Слова о полку Игоревѣ. Авторъ замѣтки о цитатѣ изъ Слова св. І. Златоустаго правъ, говоря, что она «напоминаетъ нѣкоторыя поэтическія уподобленія Слова о п. И.». Дѣйствительно, она напоминаетъ ихъ, также какъ и лѣтопись, но и разница между этою цитатою и Словомъ о п. И. та же, что между нимъ и обычнымъ лѣтописнымъ воинскимъ шаблономъ. Слово о п. И. памятникъ исключительный. Его авторъ несомнѣнно зналъ ходячую книжную манеру, иначе трудно объяснить такія выраженія, какъ: «поостри сердца своего мужествомъ» ср. І. Флавїя—«подьострите души ваша на мьсти», «истягну умъ крѣпостїю своею» ср. ів.—«и прїимъ умъ въ свою крѣпость», «исполнившисъ ратнаго духа» ср. ів.—«исполнившеса ратнаго духа», (Барсовъ I, 3, 261), ср. Тохтамышъ «духа ратнаго наполнился» П. С. Р. Л. XVI, 1382, 122. Но въ то же время, выражаясь языкомъ народной поэзіи, авторъ Слова о п. И. такъ художественно переработалъ книжныя формулы, что онѣ являются совершенно оригинальными. Такимъ образомъ, приходится говорить лишь о близости мотивовъ, а не выраженій ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно говорить о тождествѣ такихъ формулъ: «итти дождю стрѣлами съ Дону великаго» = І. Флавїя «и стрѣлы на нѣ лѣтаху акы дождь»? Въ первомъ случаѣ развито сравненіе войскъ съ тучами, проливающими дождь—стрѣлы, во второмъ, обычномъ для воинскихъ повѣстей, паденіе стрѣлъ просто сравнивается съ паденіемъ

дожда; или еще: «сватовъ напоиша, а сами полегоша за землю русскую»—I. Ф. «аки на свадьбу течаху, а не на рать»; цитата изъ Слова о п. И. является частью поэтического представленія боя въ видѣ свадебнаго пира, гдѣ льется кровавое вино, выраженіе же перевода I. Флавія аналогично выраженію «Иного сказанія»: «вси смѣло и единодушно на супротивныя идуще на брань, яко на почесть, веселы и смѣлы» (118), и въ довольно сухомъ сравненіи передаетъ рвеніе къ бою. Стараясь точно выдѣлить *loci similes книжныхъ* воинскихъ повѣстей и не имѣя цѣлью сопоставленіе схожихъ мотивовъ, я рѣшилъ устранить Слово о п. И. отъ сравненія тѣмъ болѣе, что оно уже выполнено Е. В. Барсовымъ, который выбралъ изъ этого памятника все, что только можетъ найти себѣ соответствіе въ старой русской письменности. Что касается повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ, то устранить ихъ отъ сравненія не представляется возможнымъ, такъ какъ наряду съ заимствованіемъ изъ Слова о п. И. мы находимъ въ нихъ слѣды пользованія обычными формулами воинскихъ повѣстей.

Переходя къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ формулъ книжныхъ воинскихъ повѣстей, прежде всего приведу нѣсколько примѣровъ обычной схемы боя—въ объемѣ, указанномъ вышеприведеннымъ Словомъ св. Іоанна Златоустаго.

I. Изъ Пареміи въ честь Бориса и Глѣба, по сп. Е. В. Барсова XIV в. (I, 3, 254):

«Тогда восходящу солнцю и съступишася обои и бысть сѣча зла, яже не бывала въ Русѣ. За руки ся емлюще сѣчаху, и по удолиемъ кровь течаше, и съступишася обои трижды, и омѣрькоша биющеса, и бысть громъ великъ тутень и дождь и молнии блистани, и блещахуса оружия въ рукахъ ихъ, и мнози вѣрнии видяху ангелы помогающа Ярославу, а Святополкъ давъ плещи побѣже, его же поправдѣ, яко неправедна, суду пришедъшю»¹⁾.

¹⁾ То же въ Паремейникѣ Типографской библіотеки № 55, 143 лл., псковскаго нарѣчія, XIV—XV в., перг., л. 143 об. Въ Твер. лѣтописи текстъ тотъ же (съ перестановкою), обиліе крови выражено такъ: «и по удолиемъ кровь ручіемъ течаше, яко въ время дождевное» (И. С. Р. Л. XV, 1019, 138). Въ Ипат. сп. (1019 г., 101, 102, изд. 1871 г.) боевыхъ формулъ меньше, нѣтъ соответствія тексту отъ сл. «и омѣрькоша» до «въ рукахъ ихъ». Въ Сказаніи Іакова мниха еще кратче: «и съступишася въсходящу солнцю, и бысть сѣча зла отинудъ, и съступишася трижды и бияшася чресъ весь день, и уже къ вечеру одолѣ Ярославъ. А сынъ оканьный Святополкъ побѣже». Срезневскій 1860, столб. 64. То, что одно и то же событіе выражалось съ большимъ или меньшимъ количествомъ стереотипныхъ формулъ,

Это описаніе является классическимъ среди другихъ подобныхъ. Въ немъ собраны почти всѣ формулы и образы, характерные для шаблона боя. Описаніе закончено краткимъ выраженіемъ помощи небесной силы, что встрѣчается въ массѣ памятниковъ этого типа.

II. Изъ житія великаго князя Доманта Псковскаго, по сп. Е. В. Барсова, I, 7, 433:

«Бысть же сѣча зла и преужасна; падаху убо тѣлеса противныхъ, аки древія, и кровь сильныхъ, аки вода льяшеса по удолямъ; стукъ же и шумъ страшень бяше, аки громъ, отъ вопля и кричанія обоихъ полковъ вой, и отъ трескоты оружія ихъ, . . . и свѣтлая си оружья кровью ихъ червлены сотвориша, останокъ же поганыхъ, страхомъ объяти бывше, бѣжати устремишася».

Новыя формулы этого боя: тѣлеса—древія, шумъ битвы—громъ, окровавленное оружіе.

III. Куликовская битва по Степенной книгѣ, по сп. Е. В. Барсова, I, 7, 453:

«И соступишася полки на усть рѣки Непрядвы на полѣ Куликовѣ, яко сильныя тучи; и бысть сѣча зла; блещашеса оружіе, яко молнія въ день дождя; и такова бысть битва, яко и по удолямъ кровь, яко рѣка течаше, и Донъ рѣка съ кровью смѣсивься потече; главы же поганыхъ, яко многое камень валяхуса, трушія же мертвыхъ, яко древа дубравная посѣчени, лежаху. И бяше чудно видѣніе и дивна побѣда, яко прежде блещаяся оружію, тогда же вся окровавлена кровію иноплеменныхъ».

По сравненіи этого мѣста съ соответствующимъ въ Словѣ о житіи и о прест. в. к. Дмитрія Ивановича (Рус. Истор. Сб., т. 3, Снегирева, 87) и въ Степен. книгѣ ч. I, М. 1775, 495, оказывается, что въ немъ не достааетъ выраженія «сѣчахуса, за руки емлющися», и прибавлено «и бяше чудно видѣніе» и т. д. Кромѣ того въ Сл. о ж. и прест. въ концѣ боя сказано какъ бы словами Пареміи въ честь свв. Бориса и Глѣба: «мнози же достовѣрніи видяхю ангелы Божия помагающа крестьяномъ». Въ печатной Степенной книгѣ помощь небесной силы выражена двояко: 1) послѣ «за руки емлюще, сѣчахуса», достовѣрные видѣли арх. Михаила съ прочими ангелами, свв. мучениковъ Бориса и Глѣба, Георгія и Дмитрія, 2) въ концѣ описанія—поганые видѣли

указываетъ на сознательное отношеніе авторовъ къ пользованію литературною схемою. Мнихъ Іаковъ выбралъ самый краткій и сухой способъ описанія боя вѣроятно потому, что его занимали страданія святыхъ, «а не ратныхъ обычай». Воззрѣніе, подобное автору сказанія о Тихвинской иконѣ Богородицы, см. выше.

«трисолнечная полки блистающая, отъ нихъ же исхожаху на нихъ пламенная стрѣлы». Выраженію списка Е. В. Барсова «трупія же мертвыхъ, яко древа дубравная посѣчени лежаху» соотвѣтствуетъ въ приведенныхъ нами двухъ текстахъ: «трупія мертвыхъ (погавыхъ) аки дубрава посѣчена». Я привелъ эти сличенія для того, чтобы показать, какъ редакторы одной и той же повѣсти пользовались формулами, представленными литературнымъ шаблономъ боя, то сокращая то развивая стереотипную картину въ болѣе сложныхъ образахъ.

Нового въ приведенномъ описаніи немного: полки—тучи, вѣроятно, подъ вліяніемъ Слова о п. Игоревѣ. Подъ вліяніемъ повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ то же сравненіе встрѣчаемъ въ Иномъ Сказаніи, 30: «яко двѣ тучи, наводнившеса, темны бывають ко пролітію дождя на землю, тако же и тѣ суть два войска сходящеса между собою на пролітіе крови чловѣчскія». Ср. Повѣсть о Тихв. икопѣ Б. М. Унд. № 406, 137: «сопостати *тучевиднымъ* устроеніемъ безчисленнаго воинства, оружнымъ одѣаніемъ утвержденнаго, страшно ко обители пришедше». Вторая своеобразная формула: главы—каменье.

IV. Изъ повѣсти Искандера о взятіи Царяграда Турками, по тексту, напеч. арх. Леонидомъ въ Пам. Др. Письм. 1886 г., стр. 9 и 10:

«И бысть сѣча веліа и преужасна: отъ пушечнаго бо и пищальнаго стуку и отъ зуку звоннаго и отъ гласа вопли и кричанія обоихъ людей и отъ трескоты оружіа, яко молнія бо блистаху отъ обоихъ оружіа, также и отъ плача и рыданія градскихъ людей и женъ и дѣтей, мняшесь небу и земли совокупитись и обоимъ колебаться, и не бѣ слышати другъ друга, что глаголетъ, совокупиша бо ся вопли и крычанія и плачь и рыданія людей и стукъ зѣльный и звонъ клакольный въ единъ зукъ, и бысть яко громъ велій. И паки отъ множества огней и стрѣлянія пушекъ и пищалей обоихъ странъ дымное куреніе стустився, покрыло баше градъ и войско все, яко не видѣти другъ друга, съ кѣмъ ся бьетъ, и отъ зелейнаго духу многимъ умрети. И тако сѣчахуса и маяся на всѣхъ стѣнахъ, дондеже ночная тьма ихъ раздѣли».

Это нѣсколько многословное описаніе интересно по примѣненію старыхъ формулъ къ своеобразнымъ чертамъ сюжета (звонный зукъ, звонъ клакольный и т. д.). Новыя формулы: отъ боевого шума «не бѣ слышати другъ друга», «не видѣти другъ друга» въ дымномъ куреніи.

V. Битва войска Михайла Шуйскаго съ Литовцами въ 1610 г. (Изборникъ сл. и рус. соч. и ст., А. Попова, М. 1869, 382):

«И ступльшеса обоихъ полци вмѣстѣ и бысть сѣча зла велика, отъ оружнаго же стуку и копейнаго ломанія и отъ гласовъ вопля и

кричанія ото обоихъ людей войска не бѣ никакo же слышати другъ друга, что глаголетъ, а отъ дымнаго куренія едва бѣ видѣти, кто снемся бѣеть, что звѣри рыкающе злѣ сѣчахуся».

Изъ этого примѣра можно видѣть, какъ старыя формулы, почти не измѣнившись, дожили до XVII вѣка.

Приведенныя описанія боя дали далеко не всѣ loci communes воинскихъ повѣстей. Далѣе я постараюсь представить болѣе полный подборъ ихъ, разбирая каждое выраженіе въ отдѣльности.

«Соступишася... и бысть сѣча зла».

Это выраженіе, въ разныхъ варіаціяхъ, начинаетъ картину боя въ массѣ повѣстей: «восходящу солнцю, и совокупишася обои, и бысть сѣча зла, аки же не была въ Руси» Ипат. 1019, 101, ср. Твер. 138, Паремія Б. и Гл. по сп. Барсова I, 3, 254, Сказаніе Іакова мн., стлб. 64; «и соступишася полки... и бысть сѣча зла» Кулик. битва по сп. Барсова I, 3, 453, Степ. кн. 1775 г., I, 495, С. о ж. и о прест. в. к. Д. И., Снегирева 87; «соступившимся двѣма войскома, и бысть сѣча велія» Ин. Ск. 31; «бысть же сѣча зла и преужасна» Ж. Доманта по сп. Барсова, I, 7, 433; «и бысть сѣча велія и преужасна» Повѣсть Искандера, а. Леонидъ, 9; «и бысть сѣча зла велика» бой М. Шуйскаго, Изб. 382; «і бысть от того часу и до вечера сѣча великая» конецъ описанія казачьяго приступа къ Азову 1637 г., Больш. № 305.

Разсматриваемое выраженіе часто заключаетъ въ себѣ все описаніе боя, представляя такимъ образомъ зародышь его схемы. Въ этихъ случаяхъ прибавляется обыкновенно «и одолѣ», «побѣди», «побѣже», часто съ указаніемъ на помощь Божию; иногда опредѣляется время боя, или указывается на особую силу его:

«И сътупишася бити, и бывши брани межи ими, одолѣ Свято-славъ» Ипат. 965 г., 42; «и сразившимася полкома и побѣди Ярославъ Олга» ів. 977, 49; «и поидоша противу... и соступившемся обоимъ, и бысть сѣча зла» П. С. Р. Л. VII, Воскр. 1078, 2; «и соступишася на Колачьцѣ, и бысть брань крѣпка, и нача одоляти Мстиславъ» ів. 1096, 12; «соступившемся полкомъ, бысть сѣча крѣпка, и одолѣ Вячеславъ» ів. 1151, 55; «и соступишася обоихъ полци, и бысть сѣча зла и велика, и побѣгоша» ів. 1238 (еще примѣры: Ипат.: 941 г., 27; 1016 г., 100 и 1034, 106 почти тождественны; 1219 г., 493; 1254 г., 546; Воскр.: 1093, 7; 1111, 22; 1186, 98; 1135, 30; 1170, 86; 1225, 133; 1240 г., 145; 1241, 149; 1310, 185; Тверс. П. С. Р. Л. XV, 1149, 214).

«И соступишася на мѣстѣ... и бѣ сѣча зла, и одва одолѣвъ къ вечеру Ярославъ, и побѣгоша Печенѣзѣ...» Ипат. 1034, 106; «яко солнцю восходящу ступишася, и бысть сѣча зла межи ими, и первое побѣгоша Поршане» ів. 1149, 267; «и ступишася полци, и бысть сѣча зла, и бишася отъ полудне и до вечера...» ів. 1153, 321; «того же дни бишася весь день олиѣ и до нощи» ів. 1213, 491; «и съступишася восходящу же солнцю и бишася чрезъ весь день, и уже к вечеру и одолѣ князь Александръ» Авраам. П. С. Р. Л. XVI, 1327, 65, Никон., П. С. Р. Л. X, 194.

«И ступишася, и бысть бой великъ, и поможе Богъ Юрію, и побѣди Юрій, а князь великій Изяславъ бѣжа» Твер., XV, 1149, 214; «и бысть имъ бой, и бися съ ними Мъстиславъ крѣпко, и пособи Богъ Мъстиславу» ів. 1221, 233; «и срѣтостася обои... и бысть имъ брань люта и сѣча зла, и поможе Богъ князю Дмитрію и воемъ его, и одолѣша Рязанцомъ» Авр. 1371, 95.

«И ту бысть межи ими брань крѣпка зѣло, яко страшно бо и зрѣти. И нача одолѣвати Изяславъ» Твер. 1160, 231; «и бысть сѣча зла, аки же не бывала николиже въ Ростовской землѣ, и поможе Богъ Всеволоду» Твер. 1177, 261; «и бысть сѣча зла... и бысть побѣда ва князи Рускіа, яко же не бывала отъ начала Рускіе земли» ів. 1224, 342; «и бысть сѣча зла, яко николи же такова быша у Пскова» Воскр. 1299, 182.

Эти кратчайшія схемы боя, усложнялись, пополняясь отдѣльными формулами, полный подборъ которыхъ мы видѣли выше, напр.:

«Бысть сѣча зла грѣхъ ради нашихъ, всюду мертвіи лежаху, и кровь яко вода ліашася, и бысть побѣда на князи Рускіа, такова же не бывала отъ начая Рускіа земля» Никон. 1225, 91, ср. ів. 1237, 110.

«И зъступишася на бой, и помрачиша стрѣлы Татарскіа воздухъ, и бысть аки дождь, таже копыи и саблями сняшася, и бысть сѣча зла» ів. 1310, 177.

З а р у к и е м л ю щ е с я с ѣ ч а х у .

«И за руки емлющеся сѣчяху» І. Флавія, Барсовъ I, 3, 235 и 246; «и за руки емлюще сѣчяхуся» Лавр., Ипат. 1019, 101, Парем. въ честь Б. и Гл., Барсовъ I, 3, 234; «ратніи же за руки емлюще сѣчяхуся» Куликъ. битва, Степ. кн. I, 495, Сл. о ж. и прест. в. к. Д. И., Снегирева, 87; «и сѣчяхуся, за руки емлющеся» Иное Сказ. 31; «другъ друга за рущѣ хватаячися и сѣчяхуся» Азов. вз. 1637 г., Рум. № 378.

Ломъ копейный и стукъ оружія. •

«И бысть видѣти ломъ копейный и скрежаніе мечное и щиты искипани» I. Флавія, Барсовъ I, 241, ср. 421; «и ту бѣаше видити ломъ копѣины и щеть скѣпаніе» Ипат. 1240, Батый подъ Кіевомъ, 522; «и ту бѣ видити ломъ копійный и звукъ оружіиный» ib. 1174, 392; «трусъ отъ копей ломленье и звукъ отъ мечнаго сѣченія» Воскр. 1242, Чуд. поб. Александра Нев., 150; «и бысть ту сѣча зла и трускъ отъ копій ломленія о звукъ отъ мечнаго сѣченія, Соф. I, 180, Барсовъ III, 306.

Громъ и молнія, блескъ оружія.

Стукъ оружія (позже пальба), а также крики и вопли, сравниваются съ громомъ, блескъ оружія (позже блескъ выстрѣловъ) съ молніею; иногда же буря, громъ и молнія представляются сопровождающими битву, какъ бы ввидѣ соответствія настроенія природы ужасамъ боя (ср. Барсовъ III, 174 и 475).

I. «И сразишася первое с полкомъ, и трѣсну аки громъ» Ипат. 1111, 193; «копьемъ же изломившимся, яко отъ грома трѣсновенье бысть» ib. 1249, 533; «стукъ же шумъ страшень баше, аки громъ, отъ воля и кричанія обоихъ полковъ вой, и отъ трескоты оружія ихъ» Ж. Доманта по сп. Барсова I, 433; «блещашеся оружіе, яко молнія въ день дожда» Кул. битва по сп. Барсова, ср. Степ. кн. I, 495, Сл. о ж. Дм. Ив., Снегирева, 87; «отъ пушечнаго бо и пищальнаго стуку отъ зуку звоннаго и отъ гласа и кричанія отъ обоихъ людей и отъ трескоты оружія: яко молнія бо блистаху отъ обоихъ оружія... совокупиша бо ся вопли и кричанія и плачь и рыданія людей и стукъ зѣльный и звонъ клакольный въ единъ звукъ, и бысть яко громъ велий» Пов. Исканд. 9, 10; ср. отъ трубныхъ звуковъ «громъ великъ восшумѣ» Казан. вз. 1552 г., П. С. Р. Л. VI, 312; «трепетали сильни молніе отъ облитанія мечнаго и отъ саблей булатныхъ, и бысть яко громъ отъ копейнаго сломленія» Повѣд. о поб. в. к. Дм. Ив., Снегирева, 56; «и быша яко громи не въ небесныхъ но въ земныхъ тучахъ (=войскахъ) пищальный стукъ и огонь, яко молнія свиркаетъ въ тмѣ темной» Иное сказ. 30; «знать громъ велий отъ стрѣлявія пищальнаго и молнія, яко съ небесъ блистаяся» Пов. кн. Катыврева 614; «и отъ той от ихъ бусорманские великие силы и стрелбы и от дыму ихъ стояла надъ нами сильная туча темная или когда живетъ великой сильной громъ с молниемъ» Азов. осад. сид., Рум. № 1843.

Тѣ же образы находятся въ описаніи *взрывовъ* при взятіи городовъ: «абіе гражане зажгоша сосуды зелейныя... и внезапно възгоремѣ земля, акы громъ велій, и подъяся съ турами и съ людьми, яко буря сильная до облакы, и бѣ слышати трескотъ и сътреніе туръ и вопль и стонаніе людцкыхъ страшно... и падаху съ высоты людіе и дресеса» Пов. Исканд. 21; «и по малу, зажгоша то зелье, и потече огнь ко граду по устроенному мѣсту и загорѣся градная стѣна... и абіе услышаша воеводы и гражане, яко громъ великъ, понеже злое зелье вырва часть у градные стѣны, и загорѣся градъ» Литва подѣ Стародубомѣ, 1536, П. С. Р. Л. VI, 298; «і по строению Божию ту градную стѣну вырвало и многихъ бусурмановъ за градъ с каменнемъ метало. І бысть акы молнія великая от того пороховаго дыму» Пов. о вз. Азова 1637 г., Больш. № 305. Дымъ отъ стрѣльбы здѣсь сравнивается съ тучею «і бысть акы туча великая грозная восходила», ср. выше Рум. № 1843.

Вообще *взрывы* при взятіи городовъ описываются въ однородныхъ выраженіяхъ, напр.:

«Вырваша отъ стѣны тарасы подкопомъ и меташе берніе во градъ чрезъ стѣну и съ землею... загорѣся подкопъ... вырваше стѣны много въ единомъ мѣстѣ... и нача метати стрѣльни и городни и дресеса градній и съ землею, яко до небесъ меташе и съ людми, иже бѣ на градѣ стояще, готовящеса къ приступу; меташе же людіе Казанстїи, овїи во градъ, иныхъ на иную страну» Каз. взят. 1552 г., П. С. Р. Л. VI, 307, 312; «зажгоша зелье подѣ землею, и тако отъ лютости зелейные поднася земля и съ дровы, и съ людми, и съ туры, и со щиты, и со всякими приступными хитростями» Иное Сказ. 113.

II. «Пряключися въ ночь буря неизрѣченная и громи страшни и молніи части и земля трясашеса, ревуше. Вся предградная мѣста блещахуса оружіемъ позлащенными. Великъ ужасъ нападе на мятежники» I. Флагія, Барсовъ I, 231; «и бывши ноци, бысть тма, молонья, и громъ и дождь... и бысть сѣча силна, яко просвѣташе молонья, блещашеться оружье, и бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна» Лавр. 1024; «и омѣрькоша биющеса и бысть громъ великъ тутель и дождь и молнии блистани и блещахуса оружия въ рукахъ ихъ» Паремія Б. и Гл., Барсовъ I, 254.

Въ приведенныхъ примѣрахъ мы видѣли нѣсколько формулъ *блистанія оружія*. Въ дополненіе къ нимъ представлю рядъ относящихся сюда выраженій (вооруженіе сіяеть, освѣщаетъ, оно—какъ вода, ледъ, солнце, зоря и т. п.):

«Шльци на обѣ страны стануть оковани, блистающесе оружіемъ и землю свѣтятся» Сл. I. Зл., Биб. мат. № 20, 118; «узрѣста текущихъ къ шатру блистанія оружія и мечного оцѣщеніе» Сказ. Іакова Мн., Срезн. 51; «велику же полку бывшую его, устроены бо бѣ храбрыми людьми и свѣтлымъ оружіемъ» Ипат. 1231, 510; «и бѣ полковъ его свѣтлость велика, отъ оружія блистающаса» ів. 1252 г., 540; «на нихъ сіяли сильныя доспѣхи злаченые... и злачеными доспѣхи (поля) освѣтиша». Задоньщ. Врем. XIV 5, 7 (ср. Задоньщ. Смирнова 284, 286); выѣздъ Лжедмитрія «и бѣше страшно всѣмъ видѣти множество оружій блестящихъ» Сказ. Авр. Палиц., Рус. Истор. Библ., XIII, 494.

«Обнажены мечи имуще въ рукахъ блестяся аки вода» Сказ. Іак. мн., Сред. 56; «и выступи поля изъ загорья, вси во броняхъ, яко во всякомъ леду» Ипат. 1176, 407, Воскр. 91; «и бѣ страшно Татарамъ и самому царю (Ахмату) множество Руси, а въ солнечныя дни, яко же море колеблющесе, или яко езеро сіяющися въ доспѣсѣхъ ихъ» Соф. I, 1472, П. С. Р. Л. VI, 31.

«Тако сущу оружіемъ стоящимъ на немъ, блистахуса щити и оружіи подобни солнцю» Ипат. 1231, 510; «блистають сабельныя лучи, аки солнце» Пов. кн. Катырева 572, «блистаютьца сабельныя лучи, аки лунная свѣтила» ів. 591.

«Щитѣ же ихъ яко заря бѣ, шеломъ же ихъ яко солнцю восходящу» Ипат. 1251, 540; «а доспеси Рускія аки воды во вся вѣтри колеблются, шеломы на главахъ ихъ златомъ украшены, аки утренняя заря во время вѣдряна солнца свѣтятся, ловцы же шеломовъ ихъ аки пламя огнено пашется» Повѣд. о поб. в. к. Дм. Ив., Снегиревъ 42 (ср. выше Соф. I, 1472, 31). Своеобразная картина въ Азов. осад. сид.: «на всѣхъ яныченяхъ платя все златолавое с кемомъ царевымъ, на главахъ же на ихъ все шишаки и шоломы златыя, яко звѣзды на главахъ ихъ силныхъ, въ рукахъ кипятъ яко свѣчи въ рукахъ горятъ» Рум. № 1843.

Трусъ и отзвукъ земли (стонеть, тутнеть).

«Бьяшася крѣпко и нещадно, яко и земли постовати» Пов. о раз. Ряз. Батыемъ, Срезн. 84; «и бысть сѣча зла и трусь отъ копій ломленія и звукъ отъ сѣченія мечнаго, яко же и езеру померзѣшу двинутися» Чуд. поб., П. С. Р. Л. V, 4; «трусъ же бѣ страшень... и ту усрѣтошася полци и великія силы пондоша, яко и земля тутнаше, горы и холмы трасахуса отъ множества вой безчисленныхъ» Задонщина по

сп. А. М. И. Д. № 20 (Перетць, 8); менѣ поэтично въ П. С. Р. Л. VI, 94; Пов. Искандера даетъ тѣ же образы въ нѣсколько иномъ выраженіи: «также и отъ плача и рыданія градцкихъ людей и женъ и дѣтей мнѣшесь небу и земли совокупитись и обоемъ колебаться» 9; ср. «отъ вопля же и крычанія людцаго обоихъ и отъ плача и рыданія градцаго, и отъ звуку клаколнаго и отъ стуку оружія и блистанія мнѣшеса всему граду отъ основанія превратитися» ів., 14; «и бысть вопль и шумъ отъ гласовъ человѣческихъ и оружный трескъ, яко и земли потрястися» Иное Сказ. 31; когда убили Лжедимитрія, «бысть въ царствующемъ градѣ трусь велій (=шумъ народнаго возмущенія)» Пов. кн. Катырева, 581; ср. «и абіе возопиша... рыданіемъ и стованіемъ, яко мнѣтиса церкви оной великой колебатися» Пов. Исканд. 36; при перенесеніи тѣла Александра Нев. «бысть же плачь велій и кричаніе, и туга велика, яко и земли трястися» Воскр. 1263, VII, 164.

Изображеніе многочисленности войскъ.

Выше мы привели нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ образами труса и стона земли (Мам. поб.) и взволнованнаго моря (наш. Ахмата) передавалось впечатлѣніе отъ множества войскъ. Здѣсь представляются другія выраженія этого (нѣтъ числа, покрыли, войска—вода, боръ, лѣсъ, не перерѣтъ и т. п.).

1) «Идутъ вой многы съ княземъ бес числа множество» Тверс. 968 г., 67; «и толико бысть множество вой, яко и числа нѣтуть» Ипат. 1173, 382; «и бысть вой безъ числа» 1076 Воскр. VII, 2; «надѣяше бо ся... на множество вой, бѣ бо ихъ бес числа» Тверс. 1216, 321; «нѣсть мощно никому же исчести силы ихъ» Повѣд. о поб. в. к. Дим. Ив., Снегирева, 28.

2) «Се идутъ Русь, покрыли суть море корабли» Ипат. 994 г., 28; «яко же покрыти водѣ быти отъ множества вой» Калка, Ипат. 1224, 495; «и покрыша поле Лядское обон отъ множества вой» Ипат. 1019, 101, Парем. Б. и Гл.; «покрыша поле Юрьевское» Воскр. 1177, VII, 93; «и покрыша поле полкы» Мам. поб., П. С. Р. Л. VI, 94; «и покрыша (войска—тучи) землю» Иное Сказ. 30; «покрываеми бо величьи поля бываху многочисленнымъ воинствомъ» Авр. Палиц. 500; «и толико множество Польскихъ людей... собрашася, яко и земли покрыватися щиты и воздуху блестятся всюду» Иное Сказ. 117.

3) «а иноплеменницы ко граду, яко вода наліяся» Литва подъ Стародубомъ 1536, П. С. Р. Л. VI, 298; «самого же его оступиша акы вода многа оба полы» Мам. поб., ів. 96; «такожде и иными враты

(изъ Москвы войска) яко воды поляшеса» Ин. сказ. 68; Польскія войска «разліяшася, яко вода, и разсыпашася, яко прахъ, по Россійскому царьствію» Пов. Смут. вр. о нѣк. брани, Рус. Ист. Библ., т. XIII, 252; «придоша... Латыня вся и объаша со царемъ жителей всѣхъ сущихъ во градѣ, яко потошная внезапно нѣкогда при Нои древле нашествіе облія вода» Врем. Тимоѣева, ib. 401.

4) «И поидоша полци Половецѣстїи, аки борове, и не бѣ презрѣти ихъ» Ипат. 1103, 184; то же въ Воскр.: «...яко звѣріе дивїи и яко борови велици, и бѣ множество ихъ, яко не мощи презрѣти чрезъ нихъ» VI, 19; «иноплеменницы собраша полки своя многое множество, и выступиша яко борове велиции, и тмы тмами и ступиша полки Рускыи» Ипат. 1111; 193; то же въ Воскр.: «и выступиша, аки идоли, тмы тмами ихъ»... 22; «начаша выступати полци Половецкыи, акъ боровѣ» Ипат. 1185, 432; «бяхуть бо полци видениемъ, аки борове велицѣи» ib. 1268, 572; бѣ бо видѣти ихъ, яко же и лѣсъ, съвокупи бо ся вся земля нѣмецкая» Воскр. 1268, VI, 167—168; «и сташа около города, аки боровѣ велицѣи» ib. 1281, 584. Своеобразное сравненіе у Юсіфа Флавїа: «вои же по обычаю облькшеса въ оружіе, аки стѣны поидоша» Барсовъ I, 246. (Сравненіе съ лѣсомъ находимъ и въ Сказанїи объ Азов. осад. сидѣнїи: турецкое войско пришло подъ Азовъ: «а гдѣ у насъ было подъ Азовымъ городомъ степи и поля чистые, тутъ у насъ стали однѣмъ часомъ какъ есть сильные темные лѣса непроходимые» Рум. № 1843.

5) Въ параллель съ выраженїемъ Ипат. и Воскр. лѣтописей (1103 г.) «не бѣ (не мощи) презрѣти ихъ (чрезъ нихъ)» можно еще привести: «сынове же Русїи наступаютъ поля Коломенскаго, яко не мощно бѣ никому же презрѣти ихъ» Повѣд. о поб. в. к. Дим. Ив., Снегирева 28; «занялъ (турец. царь) съ тѣмъ своимъ воинскимъ турецкимъ всю степь азовскую, и мы казаки посмотрѣли съ высоты града Азова, ажно ихъ войска и конца не видѣть» Унд. № 795, Азов. осад. сид.

6) «Поле же Куликово прегыбающесе, вострепеташа лузи и болота, рѣки же и озера изъ мѣсть своихъ выступиша: но николи же убо толикимъ полкомъ быти на мѣстѣ томъ» Повѣд. о поб. в. к. Дим. Ив., Снегирева 49, ср. 56 (выше—Мам. поб., П. С. Р. Л. VI, 96); «отъ рысканья конскаго и отъ такихъ ихъ бусорманскихъ великихъ силъ изъ рекъ вода на береги показалася, земля у насъ подъ Азовымъ городомъ подогнулася» Рум. № 1843, Азов. осад. сид.; ср. «воинства ихъ не можетъ земля держать... а воинству его и смѣты нѣтъ» Девгеніево дѣяніе, Барсовъ, I, 315. Совершенно своеобразная картина: «отъ крыку ихъ бусорманскаго и отъ конскаго жарнїа отъ такихъ ихъ великихъ силъ не

можетъ птица ни мала ни велика вверхъ поднятися, но вся валитца с высоты небѣсныя на землю»... рѣчь турокъ: «стоитъ подъ вами казаками такая наша великая сила турецкая, но волосовъ на главахъ вашихъ казачьихъ столко не будетъ, сколько стоитъ наша сила подъ вами, не можетъ птица никакова вверхъ на небо поднятися, но вся валитца сверху неба на землю» Рум. № 1843, Азов. осад. сид.

Стрѣлы и камни идутъ, какъ дождь, и омрачаютъ свѣтъ.

«И стрѣлы на пѣ лѣтаху, акы дождь» I. Флавія, Барсовъ I, 242; «идяху стрѣлы, акы дождь» Лавр., Ипат. 1097, 178; «и стрѣламъ яко дождю идущу на градъ ихъ» Ипат. 1245, 529; «попустиша стрѣлы, яко дождь умножень зѣло» 1169, II. С. Р. Л. V, 9, Нам. Стар. Рус. Лит. I, 242, Степ. кн. I, 1771, 303 (Чудо Влад. иконы Бож. Мат.); «стрѣлы акы дождевая туча обонихъ» Витовтъ и Темиръ Кутлуй, Тверс. 1299, 458.

«Облаци стрѣлами пуцаются вьсюду, закрывающе воздухъ множествомъ» Сл. I. Зл., Биб. мат. № 20, 118; «стрѣлы помрачиша свѣтъ побѣжденнымъ» Батый подъ Кіевомъ, Ипат. 1240, 522; «и идяху стрѣлы ихъ на градъ, акы дождь великъ умножень зѣло, не дадуще ни прозрѣти» Тахтам. 1382, Новг. IV, II. С. Р. Л. VI, 100 (приб.), Авраам., XVI, 123; «и помрачиша стрѣлы Татарскія воздухъ, и бысть акы дождь» Свят. Глѣб. 1310, Ник. 117; «и бысть сѣча премрачна, зане стрѣлы ихъ помрачи свѣтъ» Исканд. 29.

«А с города яко дождь камене метяху на нь» Ипат. 1149, 272; «идущу же каменю со забралъ, яко дождю силу» ib. 1229, 504; «и сыпашася камене веліе издалеча... яко дождь внутрь града» Батый, Ник. 1237, 108; «и сулицами мечуще и головнями, яко молнья идяху, и камене, яко дождь с небеси идяше» Ипат. 1251, 538; ср. «ови каменіемъ метяху, друзіи стрѣлами стрѣляху, ивни же камене пращами метяху, и яко туча съ небесе идяше, и яко покрытися свѣту дневному» Александрія I ред., Истринъ 64 ¹⁾; «Ляховѣ пуцахуть на ня камене, акы градъ сильный» Ипат. 1281, 584.

¹⁾ Обороты славянскаго перевода Александрія I ред. часто встрѣчаются въ русскіхъ памятникахъ. Не есть ли это достаточное основаніе для того, чтобы переводчикомъ ея считать именно русскаго? Примѣры выражений, однородныхъ съ лѣтописными: «разгнѣва же ся Александръ, устремися на брань и испльчися на Дарія» 48; «сѣчи же велицѣ бывши, побегоша Ирси» 49; «гнаше по немъ» ib.;

Въ Повѣстяхъ Смутаго времени отмѣчается свистъ летящихъ снарядовъ: «свищутъ по аеру пульки и исъ тмочисленныхъ луковъ стрѣлы» Иное сказ. 30; «свищутъ стрѣлы по аеру» Пов. кн. Катырева 614, тамъ же (521) своеобразное сравненіе: «летаютъ стрѣлы по аеру, яко молнія». Въ Повѣсти объ Азов. осад. сидѣніи ядра сравниваются со змѣями: «аки змен мечутца по Азову» Рум. № 1843. Подобное сравненіе, вѣроятно, породило оригинальныя названія пушечнаго снаряда въ Пов. о Каз. вз. 1552 г.: «Змѣй летячей и Змѣй свертной» П. С. Р. Л. VI, 312.

Въ Галицко-Волынской Лѣтописи частое паденіе стрѣлъ описывается также слѣдующимъ образомъ: «стрѣламъ не дадушимъ выникнути изъ забороль» Ипат. 1261, 564; «но стрѣлы ратныхъ не дадыхуть ни выникнути изъ забороль» ib. 1281, 584.

Въ заключеніе этого отдѣла замѣтимъ, что въ лѣтописяхъ обычно выраженіе «пускать по стрѣлѣ»:

«Половци Юрьеви по стрѣлѣ пустивше и побѣгоша» Воскр. 1151, 55; «и ступишася, толко по стрѣлѣ стрѣливше, побѣгоша» Ипат. 1175, 406; «выѣхаша ис Половѣцькихъ полковъ стрѣлци, и пустивше по стрѣлѣ на Русь, и тако поскочиша» ib. 1184, 432; «они же постоявше мало, и пустиша по стрѣлѣ въ наши, и возматшеся побѣгоша ко граду» Никон. 1219, 83, Воскр. 127; ср. «гражани же пустиша по стрѣлѣ, и они паче пустиша на нихъ по своей стрѣлѣ, и пакъ онѣ прилѣжно стрѣляша своими стрѣлами» Тахтам. 1382, Авраам. 123.

Бойцы не видятъ и не узнаютъ другъ друга.

«И въ томъ снятѣи не възможно расудити или знати, кто съ кимъ бьется» I. Флавія, Барсовъ I, 235; «и не свѣдущимъ ся самѣмъ, идѣ

«постигъ Дарьевъ товаръ» ib.; «стрѣляти стояща на заблалех» 52; «сулица испущаа» ib.; «строить плькы»; «хотящимъ намъ нога утирати, потрудитися» 58; «хощеши с нами съступити на брань» 59, 61; «такъ ротившюся Александру» 71; «крѣпци велми, готови суще на брань» 75—76; «възострилъ ны еси на рать» 81. Переводъ, по моему, сдѣланъ чистымъ русскимъ языкомъ (образцы языка см. у Истрина 136 sq.); что же касается «болгаризмовъ», то они представляютъ собою 2, 3 послѣдовательно употребленныя сочетанія и могутъ быть графическою модою. Выводу о русскомъ переводѣ много вредитъ впечатлѣніе, производимое способомъ перевода, сдѣланнаго механически (Истринъ 138). Слѣдствіемъ этого является странная конструкція фразъ, которая и мѣшаетъ сдѣлать рѣшительный выводъ о русизмѣ перевода. Мнѣ кажется, что, если бы переводъ Повѣсти о раззореніи Іерусалима Іосифа Флавія былъ сдѣланъ подобнымъ образомъ, онъ вызвалъ бы то же сомнѣніе въ вопросѣ о національности переводчика.

же кто біаше» (мѣшали условія мѣстности) Ипат. 1229, 504. Неузна-
ніе часто изображается слѣдствіемъ *пыли* или *дыма*: «и отъ тольстоты
праха другъ друга не знающе, верьтхутся около акы слѣпци, другъ
друга рѣзаху» I. Флавія, Барсовъ I, 236, ср. 264; «отъ множества
праха не знати ни конника ни пѣшць» Ипат. 1174, 392; «и возму-
тися воздухъ отъ коньскаго ристанія, и другъ друга не знающе, по-
мрачиша бо ся лица ихъ отъ пыли, вѣмья по воздуху» Пов. кн. Ка-
тырева 589; ср. «не баше же како познати ни Прьсянина, ни Маке-
донянина, ни болярина, ни пѣша, ни конника (павшихъ) въ велицѣхъ
прасѣ» Александрія I ред., 49; «и пакы отъ множества огней и стрѣ-
лянія пушекъ и пицалей обоихъ странъ дымное куреніе згустився
покрыло баше градъ и войско все, яко не видѣти другъ друга, съ
къмъ ся бьетъ» Исканд. 10; «а отъ дымнаго куренія едва бѣ видѣти,
кто снемся бьетъ» М. Шуйскій и Литва, Изб. 382; «отъ стрѣлянія
же пицальнаго смутися воздухъ и отемнѣ облакъ, и не видаше другъ
друга и не знающе, хто бѣ отъ кою страну» пов. кн. Катырева 596;
«і в том думу другъ друга не видеша» взят. Азова, Больш. № 305; ср.
«зажгоша его (градъ), и бысть дымъ силенъ зѣло... и не бѣ видѣти
человѣка въ дымѣ» Никон. 1219, 84.

Неузнаваніе и схватка между своими происходили и отъ ужаса при
вмѣшательствѣ небесной силы: «разгнѣвася Господь на сопротивныхъ,
и в той часъ покры ихъ тьма; и начаша другъ друга сѣщи и на
смерть предавати» Чудо Влад. кн. Б. М. при побоищѣ Новгородцевъ
съ Суздальцами, Пам. Стар. Рус. л-ры I, 242; «страхомъ Божиимъ гоними,
другъ друга создади биюще и порывающе... бѣгству вдаются, другъ друга
созади стѣсняюще и биюще» Пов. о Тихв. кн. Б. М., Унд. № 406,
л. 155 и 162.

Не слышатъ другъ друга.

«Не бѣ бо слышати во градѣ другъ ко другу глаголюща во скри-
пѣннѣи телѣгъ его и во множествѣ рвенія вельбудъ его, и отъ рѣзанія
стадъ конь его» Батый подъ Кіевомъ, Воскр. 1240, 145; «и не бѣ
слышати другъ друга, что глаголетъ: совокупиша бо ся вопли и кры-
чанія и плачь и рыданія людей и стукъ зѣльный и звонъ клакольный
въ единъ звукъ» Исканд. 9, 10; «вездѣ крикъ и вопль великъ стра-
шенъ бываше, яко не слышати другъ друга вопіюще» Тахтамышъ,
П. С. Р. Л. IV, 87; отъ трубныхъ звуковъ «яко громъ великъ восшумѣ,
не бѣ слышати, что глагола другъ другу» Каз. вз. 1552, П. С. Р. Л.
VI, 312; отъ боевого шума «не слышати, что другъ ко другу глаго-
летъ» Иное сказ. 31; «и бысть въ нихъ шумъ велій и кликъ (радо-

сти), и не слышати, кто что глаголетъ» ів. 47; «отъ таке ихъ великіе стрелбы бусорманскіе и крыку не слышатъ было у насъ въ Азове городе, какъ человѣкъ съ человѣкомъ слово молвить» Азов. осад. сид., Рум. № 1843.

Кровь лилась по удолиямъ, какъ рѣка и т. п., и
обагрила оружіе.

«Яко по удолиемъ крови теци» 1019 Лавр., Ипат. 101 с., Парем. Б. и Гл. по сп. Барсова; «яко крови ихъ по удолиямъ течаше» Каз. вз. 1552 г., П. С. Р. Л. VI, 312. Кровь—*рѣка*: «рѣкы крѣвавы текутъ отвсюду» сл. І. Злат., Биб. матер. № 20, 118; «кровь же течаше, акы рѣка, и струя кровная влечаше трушіа... и кроволитье бысть въ обоихъ, акы рѣка» Барсовъ I, 266, III, 411; «течаше кровь крестьянская, яко рѣка сильная» Пов. о разор. Рязани Батыемъ, Срезн. 85; «по удолиемъ кровь ручіемъ течаше, яко во время дождевное» 1019, Твер. 138; «сильни полки съступашася, изъ нихъ же вытекають кровавыя ручьи... траву же кровію подымвало, льющася кровемъ, акы рѣчнымъ быстринамъ на всѣ страны» Повѣд. о поб. в. к. Дим. Ив., Снегирева 55, 56; «пролія рѣки неповинныя христіанскія крови» Иное сказ. 32, ср. 157; «крови же человѣческія по земли источницы протекоша» Ин. сказ. 31; «крови же человѣческія, яко водныя источницы течаше» Пов. о вѣк. бр. 253. Воды *смѣшиваются съ кровью*: «яко и по удолиямъ кровь, яко рѣка течаше, и Донъ рѣка, съ кровью смѣсився, потече» Степ. кн. по сп. Барсова I, 453 (Кулик. бит.); «и кровью ихъ рѣки потекли... и Донъ рѣка три дни кровію текла» Задон. Врем. XIV, 7, 8; «съ забрала и кровь ихъ течаше, яко рѣкы по стѣнамъ... и крови ихъ, акы потокомъ сильнымъ теци, и пажушинѣ Галатцкой, сирѣчь Ильмену всему, кроваву быти, и облизу рвовъ по долинамъ наполнитись крови» Исканд. 14; «и потекутъ по удолиемъ и улицамъ Седмихолмнаго, яко рѣки крови человѣческія, и возмутитсь море отъ крови до Тѣснаго Устія» ів. 41. Кровь—*вода*: въ концѣ выписки изъ Псалтири: «проліяша кровь ихъ, акы воду» 1203 Лавр., Твер. (вз. Кіева), 1382 Авраам. (Тохтам.); «не проливаете кровь христіанскую, яко воду» рѣчь Владиміра 1103, Воскр. VII, 20; «и кровь сильныхъ акы вода льяшеся по удолиямъ» Ж. Доманта по сп. Барсова I, 433; «кровь яко вода льяшася» Калка 1225, Никон. X, 91; «проліяша кровь ихъ, яко воду» Сказ. о Гриш. Отр. 726; ср. море крови: «кровопролітїя, акы морскимъ водамъ» Повѣд. о поб. в. к. Дм. Ив., Снегирева, 40. Кровь—*дождь*: «проліяся кровь, акы дождевая туча обоихъ» Кулик. бит. П. С. Р. Л. VI, 94, XVI, 114; «яко двѣ тучи,

наводнившеса, темны бываютъ ко пролитію дожда на землю, тако же и тѣ суть два войска, сходящеса между собою на пролитіе крови челоувѣчскія» Иное сказ. 30, ср. 115. Кровь *топитъ*: «кровь, съ горы текущи, погрузи весь градъ» I. Флав., Барсовъ I, 267; «ини же глаголаху, яко во крови утонуть есть» Козельскъ, 1238, Барсовъ I, 429, Воскр. VII, 143; ср. конь «во крови по колена бродитъ» Задоньц. Смирнова 284; «не бѣ видѣти леду, покры бо ся кровію» Чуд. поб. Алекс. Нев., Псков. 2-я, V, 4.

Своеобразныя выраженія: «землю напоиша крове» I. Фл., Барсовъ I, 241; «протекоша лугы и холмы кровію» Задоньц. Смирнова 283, «кровью же челоувѣческою вся земля обагрися» Иное сказ. 31. Кровь *обагрила оружіе*: «и свѣтлая си оружія кровію ихъ червлены сотвориша» ж. Доманта по сп. Барсова I, 433; «яко прежде блестящая оружію, тогда же вся окровавлени кровію иноплеменныхъ» Кулик. бит. по сп. Барсова I, 453.

Бойцы не чувствуютъ ранъ.

«Есть у него (кн. Мстислава Мстиславича) мужи храбри зѣло и велици богатыри, яко лвы и яко медвѣди, не слышать бо на себѣ ранъ» 1216 Никон. X, 71; «Данилу бодену вывшю в перси, младства ради и буети не чюяше ранъ, бывшихъ на телеси его» Калка 1224, Ипат. 497; «и намъ в то число Господь Богъ подалъ легости и здравія па томъ бою, но и ранъ мы, молотцы, на себѣ в тѣ поры не слышали, таково намъ было в тѣ поры, молстцамъ, задорно» Азов. осад. сид., Рум. № 1843.

Падаютъ, какъ деревья или снопы; поскѣаются, какъ трава или колосья; мостъ изъ труповъ и т. д.; враговъ закаляютъ, какъ свиней.

«Падаху убо тѣлеса противныхъ, аки *древія*» ж. Доманта по сп. Барсова I, 433; «трупія же мертвыхъ яко древа дубравная (Степ. кн. 1775, I, и Сл. о жит. Дим. Ив., Снегирева 87, — «аки дубравы») поскѣчени лежаху» Кулик. бит. по сп. Барсова I, 453; «Руские удалци побіени суть, аки сильни древа сломашася» Повѣд. о поб. в. к. Дим. Ив., Снегирева, 57.

«Падающе жида акы *снопы* съ забрала» I. Флав., Барсовъ I, 271; «а друзии падаху с мостка в ровъ, акы сноповье» 1261, Ипат. 504; «и начаша мертви падати изъ забороль, акы сноповье» 1281, Ипат. 584; «и бысть видѣти безчисленное множество ратныхъ, пада-

ющихъ язвени, аки снопы въ жатву на нивѣ» ж. Михаила Тверс., Барсовъ I, 434, ср. Воскр. 1319, VII, 190; «падаху бо трупиа обонхъ странъ, яко снопы» Исканд. 14; «падаютъ человѣци, яко снопы, по забраломъ» Иное сказ. 31.

«Начаша ихъ бити, яко добрые косцы *траву* косити» Девгеніево дѣяніе, Барсовъ I, 315; «и побѣдша безбожнии, вся люди сѣкуще, аки траву» Ситьск. поб. Барсовъ I, 429, 1238 подъ Торжкомъ—Воскр. VII, 143, Твер. XV, 371: «окааннии всѣми путми гонишася въ слѣдъ ихъ, сѣкуще люди, аки траву» 1408, Твер., XV, 484; «яко траву поклони противустоящихъ» Иное сказ. 33.

«И много паденіе обоиде, аки на жатвѣ *класомъ*» Сл. I. Зл., Бпб. мат. № 20, 188; «Даріи пожинаше многы народы прѣскыя, яко же на нивѣ класы» Александрія I ред., Истринъ 65; ср. моленіе св. Глѣба: «не пожнѣте мене отъ житія несъзрѣла, ни пожнѣте класа не уже съзрѣвша» Сказ. Іакова мн., Срезн. 56 (id. въ стихирахъ Бор. п Глѣб. по сп. XIV в., «Древ. пам. рус. пис. и яз.» стр. 242—по указавію Хрущова «О др.-рус. истор. пов. и сказ.» 55, пр. 31).

«И умножися, аки *стоги* мертвыхъ» I. Флав., Барсовъ I, 246; «лежитъ трупъ христіанскій, аки сѣнныя стоги» Задонщ., Срезнев. 362 (И. 2-го отд. А. Н. 1858, т. VI, в. V); «и не могоша кони скакати, всюду бо бѣша мертвиі аки *копни* сворочяни лежаху» 1268, Домонгъ, Никонов. X, 146; «не токмо на боищи *костры* мертвыхъ, но и по многымъ мѣстомъ» 1216 Тверс. XV, 322; «и положиша трупіа ихъ, яко *горы*» Сказ. о Гриш. Огреп. 726.

Сложныя картины изъ приведенныхъ образовъ:

«Многое же множество обѣихъ странъ людей падающе, яко дровесь кланяшеса или сноповъ по забраломъ валяющеса» Иное сказ. 51 (id. въ Пов. како похити. . . Борисъ, 160); Борисъ «прежде подсече благоразпѣтаемая древа великая, яко кипариси, и ножа немилосердымъ серпомъ своимъ и иныхъ множество, аки цвѣтіа травнаго или яко листвіа смоковнаго» Иное сказ. 51; «земля трупіемъ мертвыхъ, яко древіемъ и листвіемъ покрышася п главы, яко класіе, по земли валяхуса» (опустошеніе Россіи при Лжедимитріи) Пов. о нѣк. брани 253; «трупю же человѣческаго яко лѣсу кипарису подсѣкоша и мостомъ на десять верстъ и болѣ помостиша» Иное сказ. 31.

«И *помощенъ* бо Иорданъ трупіемъ» I. Флав., Барсовъ I, 242; «рови же. . . исполнишася мертвыми, и бысть лѣзъ ходити по трупію, аки по *мосту*» 1261 Ипат. 564; «и наполнишася рвы трупіа человѣча до верху, яко чрезъ нихъ ходити Туркамъ, аки по степенемъ, п битись: мртвыа бо имъ бяху мость и лѣстница ко граду; тако п потоци

вси наполнишася и брезы вкругъ града трупіа» Исканд. 14, ср. 10; «яко мостомъ предъ стѣнами града и во вратѣхъ людми его помостивше» Иное сказ. 29; «и трупомъ челоуѣческимъ землю помостиша, аки мостомъ» ib. 31; ср. «и нагрязе озеро труповъ и щитовъ и шеломовъ» Ипат. 1258, 556; «можеша ли... реку Мечну трупы татарскими заградити» Задоньщ. Смирнова 285.

Отъ массы труповъ *нельзя пройти*: «и тѣлеса ихъ невмѣстимо по улицамъ проити» Каз. взят. 1552, II. С. Р. Л. VI, 312; «не можаше пройти отъ многого трупіа» Исканд. 14; «и толико ихъ поганыхъ погиге... яко по всѣмъ стогнамъ... Москвы въ трупіе ихъ невозможно проити» Иное сказ. 59; «а на 7-ми врьсть били Нѣмецъ, яко и коневи не мочи трупіемъ скочити» ж. Доманта, Воскр. 1265, VII, 168; «множество же изсѣкоша безчислено, яко не мочно на кони ѣздити въ трупѣхъ» Шелон. побоище 1471 г., Соф. 2-я, II. С. Р. Л. VI, 192—3.

«*Закалаху* бо ихъ, аки *свиней*» Исканд. 33; «и тѣхъ аки свиней закалающе» Иное сказ. 110; «и начат тутъ съ ними мы, молотцы, рубитися и сѣчис, саблями и копьями колотъ, яко свиней». Азов. осад. сид., Рум. № 1843.

Въ трубы вострубиша и т. д.

Трубы, бубны и др. музыкальные инструменты—необходимый предметъ воинскаго обихода, числомъ ихъ опредѣлялось количество войска, напр.: «бѣше бо у князя у Юрья стяговъ 13, а трубъ и бубновъ 60; молвахуть бо и про Ярослава, стяговъ у него 17, а трубъ и бубновъ 40» Лавр. 1216.

Звуки боевой музыки—любимый образъ боевого описанія; онъ встрѣчается въ самыхъ древнихъ опытахъ связнаго повѣствованія (осада Печенѣгами Кіева въ 968 г., Сл. о п. И., отсюда и въ повѣстахъ о Мам. побоищѣ).

Древнѣйшій способъ изображенія боевой музыки: «вострубиша въ трубы». Онъ встрѣчается и въ переводныхъ памятникахъ, нпр. у Юлиана Флавія (Барсовъ I, 262). Этотъ образъ имѣлъ разное значеніе: трубили и т. д. для устрашенія непріятелей, при собираніи и выступленіи войска, при нападеніи, для выраженія радости и т. п. Приведу примѣры:

Устрашеніе:

«и яко бысть заутра, всѣдоша в лодья, противу свѣту вострубиша велми трубами, и людье въ градѣ кликоша. Печенизѣ же мнѣша князя пришедша, побѣгоша розно отъ града» 968 г., Ипат. 43;

«и тако полци, приѣхавъше к мостку, кликнуша, въ трубы въструбиша. Борись же, то слышавъ, бѣжа изъ Бѣлагограда» 1150, Ипат. 288;

«пополошилися, стояще за щиты всю ночь, кликоша бо во всѣхъ полцѣхъ, и въструбиша въ княжихъ Костянтиновыхъ полцѣхъ; слышаста князь Юрьи и Ярославъ, хотѣста побѣгнуги, и уяшася за малымъ» Лавр. 1216.

Собирание, выступление войска и нападение:

«яко зорѣ почаша ся займати, переже въ Дюргія въ бубны въ полку и въ трубы въструбиша, полци же начаша доспѣвати; такоже у Вячеслава, и у Изяслава, и у Ростислава почаша бити въ бубны и въ трубы трубити, полци же начаша доспѣвати» 1151, Ипат. 301;

«утрии же день рано король, удара у бубны и тако исполца полкы своя, поиде» 1152 Ипат. 309, Воскр. 56;

Святославъ «повелѣ же воемъ своимъ оболочитися во броня и стяги наволочити...и поиде полкъ по полцѣ, бьюще въ бубны и во трубы и въ сопели, а самъ князь по нихъ поиде» 1220 Воскр. 127;

«перешедъ Булакъ (Иванъ IV) и взыде къ горѣ и ста полкомъ, и повелѣ въ набаты бити и въ накры многи, и въ сурны играти, и въ трубы трубити; яко громъ великъ возшумѣ, не бѣ слышати, что глагола другъ другу» Каз. взят. 1552 г., П. С. Р. Л. VI, 312;

«Турки же паки, услышавше звонъ велій (въ Константинополѣ) пустиша сурныя и трубныя гласы и тумбанъ тмочисленныхъ, и бысть сѣча велія и преужасна... Магуметь же окаанный со всѣми чины вратъ своихъ, заигравъ въ всѣ игры и въ тумбаны, и прииде на полое мѣсто, и такимъ суровствомъ мняше бо внезапно похитити градъ... откликнувшю свою безбожную молитву, (Турки) начаша сурны играти и въ варганы и накры бити, и прикативше пушкы и пищали многие, начаша бити градъ» Исканд. 8, 9, 28.

Войско короля Адольфа «сотвориша скверное свое молбище, въ варганы и въ бубны и въ трубы; и начаша рвы копати подъ градомъ» 1615, П. С. Р. Л. IV, 331, ср. 1605.

Пришли подъ Азовъ Турки, расположились лагеремъ «и почали у нихъ в полцѣхъ ихъ бити трубли великия в трубы болшия и игры многия и писки от нихъ в полкахъ пошли великия и несказанными голосами страшными и бусурманскими»; турецкое войско выступило: «набаты у нихъ гремятъ многие и трубы трубятъ и в барабаны бьютъ велики и несказанны, ужасно слышати сердцу всякому ихъ бусурманская трубля, яко звѣри воютъ страшны надъ главами нашими разными голосами» Унд. № 794, ср. Рум. № 1843 (выступление Турокъ послѣ казачьяго отвѣта).

Радость:

«Самъ же государь отъ великия радости повелѣ въ сурны играти въ ратные, и въ трубы трубити, и въ набаты бити беспрестанно» Газ. вз. 1552, VI, 312.

Страхъ имени.

«Имъ же (Романомъ) Половци дѣти страшаху» 1251 Ипат. 540; объ Александрѣ Нев., славномъ страхомъ и грозю (Воскр. 1256, VII, 161, id. о Дмитріи и Домантѣ 1268, 168), рассказывается: «начаша жены Моавитски полошати дѣти своя, аркуще: великій князь Александръ ѣдетъ» (Барсовъ I, 432);

Ягаило бѣжалъ «никимъ же гонимъ, не видѣша бо тогда князя великого, ни рати его, ни оружія его, токмо имени его бояхуса и трепетаху» Мам. поб. П. С. Р. Л. VI, 96, XVI, 117;

Татары «наипаче же бояхуса князя Юрья Васильевича, понеже бо имени его трепетаху» Соф. I, 1472, VI, 31.

Выраженіе усталости, изнеможенія и отчаянія.

Простѣйшее выраженіе — «изнемогоша» (Пов. о раз. Ряз. Батыемъ 85); у Юсифа Флавія — своеобразное: «истлѣшася», «истляху» (Барсовъ I, 244 и 270). Въ Повѣсти Искандера изнеможеніе постоянно выражается паденіемъ и сномъ:

«и не обрѣтоша людей: вси бо бяху спяща утрудився... хотяще видѣти ратныхъ, понеже не бѣ отъ нихъ ни гласа, ни послушанія, вси бо бяху опочивающе... градские людие падоша отъ труда, яко мертвы... отъ многого труда изнемогаху и падаху, аки пьяни... нощи же наставши, Туркы отступиша къ станомъ своимъ, акы уставше, а градские люди падоша, кѣи же и гдѣ успѣ отъ труда... вси людие бяху еще опочивающе отъ безмѣрныхъ и неприемныхъ истомы» 10, 35, 14, 15. Ср. въ Азов. осад. сид.: «а мы, молотцы, въ тѣ поры гораздо загомилися и пришли въ Азовъ, пали безъ вѣдама и отдыхали мы уже, молотцы, три дни и три нощи» Рум. № 1843.

Для выраженія усталости существуютъ и *сложныя* формулы:

«толико же сѣчаху, дондеже руцѣ ихъ п плещи измолкоша, сила ихъ изнеможе, сабли ихъ не имуть, острія ихъ притупишася» Тахтамышъ, П. С. Р. Л. IV, 87, XVI, 125. Что касается до притупленія оружія, то это образъ, рѣдкій въ письменности; мнѣ онъ встрѣтился еще лишь въ Пов. о разор. Ряз. Батыемъ, Срезн. 87: «ненстовый Еупатій тако ихъ бьяше, яко и мечи притупишася».

«И побѣша на томъ бою Ноугородцовъ зѣло много, а ниѣхъ руками поимаша, тако бо уже отъ великія истомы бою ихъ яко оклячѣше сташа мужіе Новгородстїи, не могуще ни рукою двигнути, ни же главу свою обратити» Шелон. поб., Соф. I, 1471, VI, 14.

«Власи наши растерзаются, очи наши не могутъ огненныхъ слезъ испущати, языци наши связуются, гортани пересыхаютъ, сердца раставаютъ, и чресла ми прогтерзаются, колѣни изнемогаютъ и руцѣ ми оцѣпаютъ» слова Мамаѣ, П. С. Р. Л. VI, 94.

Послѣдній примѣръ, какъ частію и предъидущіе, составленъ изъ перечисленія членовъ тѣла, которые устали, болѣютъ и т. п. Но здѣсь выражена не боевая усталость, а отчаяніе. Въ параллель можно привести соотвѣтствующія мѣста трехъ, находящихся въ связи памятникъ: Слова о ж. и прест. в. к. Дмитр. Ив., Снегирева, Пов. о разор. Ряз. Батшемъ и Пов. объ Азов. осад. сид., Рум. № 1843:

Увидѣвъ Дмитрія мертвымъ, Евдокія «въсплакася горкымъ гласомъ, огненныя слезы отъ очію испущающе, утробою распалающе (в перси своя рукама бьющи, яко труба рать повѣдающи, яко ластовица рано шепчющи и органы сладковѣщяя, глаголюще)...; «отъ горести душа языкъ связается, оуста заграждаются, гортань премолкаетъ, смыслъ измѣняется, зракъ отретѣвается, крѣпость изнемогается» Сл. о ж. и прест. 94, 97.

Видя князей—братьевъ и богатырей лежащими «на земли пусти, на травѣ ковыль, не кимъ брегомы», князь Ингварь «возони горкымъ гласомъ, велми ревыи, слезы отъ очію испущающи, яко струю силу, утробою расползающи (в перси рукама бьющи и гласомъ же яко труба рати повѣдающимъ, яко органъ сладко вѣщающе)... «се бо в горести душа моя языкъ мой связаетца, уста заграждаютца, гортань премолкаетъ, смыслъ измѣняетца, зракъ отпусмеваеть, крѣпость изнемогаетъ» Приходъ чудотв. Николина образа Зарайскаго, Врем. Общ. Ист. и Др., XV, смѣсь 19.

Въ Пов. объ Азов. осад. сид., Рум. № 1843, соотвѣтствующіе образы выражаютъ боевую усталость, но они находятся въ вѣроятной зависимости отъ картины отчаянія сказаній о Мамаевомъ побоищѣ:

«и от того бою у нас ноги наши под нами подогнулись, руки наши не служатъ намъ, всѣ мы, молотцы, затомилися, на стенахъ азовскихъ стоечи, языкъ наш во устахъ нашихъ небо пламенъ, вскрычатъ мы другъ другу не сможемъ, уста наши всѣ кровью запекалися, от дыму и от стрелбы такне великне глаза наши порохомъ выжегло, уши наши от стрелбы ихъ бусорманскихъ охлушили, не слышимъ, какъ кто кричитъ,

лишо только намъ чюдитца — стоит гром и стук и зык силен, а то слов ничево не слышим».

Ср. взятіе Пскова 1510: «и пресхоша гортани ихъ отъ скорби и печали, и уста ихъ пресмягли» лѣтоп., «О Сл. о п. И.» Смирновъ, Филол. Зап., вып. V, 1878, 179 с.

Образы звѣрей и птицъ въ боевыхъ описаніяхъ.

Отвага, нападеніе, ярость часто изображаются путемъ сравненія бойцовъ съ хищными звѣрями и птицами и характеризуются чертами ихъ быта. Сдѣлать заключеніе о происхожденіи нѣкоторыхъ изъ этихъ сравненій и образовъ трудно, ввиду того, что однѣ и тѣ же характеристики примѣняются къ бойцамъ чисто воинскихъ повѣстей и къ убійцамъ, мучителямъ и бѣсамъ *агіографическихъ* произведеній. Впрочемъ, для воинскихъ повѣстей съ сильнымъ развитіемъ религіознаго элемента, то есть тѣхъ, которыя имѣютъ сюжетомъ *нашествіе поганыхъ*, вліяніе агіографической литературы можетъ считаться несомнѣннымъ. Что касается до книжныхъ и народно-поэтическихъ источниковъ упомянутыхъ образовъ, то здѣсь вопросъ усложняется взаимодействіемъ письменности и устной поэзи, и только немногіе изъ нихъ могутъ быть отнесены безъ колебанія къ послѣдней, напр. соколы, кречаты, лебеди и др., встрѣчающіяся въ Галицко-Волынской лѣтописи и въ Словѣ о полку Игоревѣ, а слѣдовательно и въ зависящихъ отъ него памятникахъ. Нѣсколько образовъ могли возникнуть подъ библейскимъ вліяніемъ, но на Русь они, вѣроятно, заимствованы уже готовыми. Сначала разсмотрю простыя книжныя сравненія, популярныя въ чисто воинскихъ повѣстяхъ:

Звѣри, дикіе, дивіе и т. п.

«И пободоша ихъ, акы дикія звѣри» I. Флавія, Барсовъ I, 242; «Іудеи же ристаху къ лѣсу, акы звѣри» ib. 246; «акы дикія звѣри (поганіи) рыкающе, наскакаху» ж. Доманта, Барсовъ I, 433; ср. Скомондъ «борзъ же бѣ, яко звѣрь» Ипат. 1248, 531; «и сѣчахуса лицемъ къ лицу, рыкающе, акы дивіи звѣри... бяху ихъ нещадѣ, съваху бо ся на нихъ, акы дивіи звѣри... и скакаху на Туркы, акы дивіи звѣри... ристаху и совахуса на всѣ страны, акы дивіи звѣри, ища себѣ лову цесаря» Исканд. 19, 22, 29, 36; «и абіе (Литовцы) ако лютые звѣри устремшася на ловъ» М. Шуйскій, Изб. А. Попова, 382; «яко дивіи гладніе звѣріе къ свѣди, другъ предъ другомъ поскоряюще напередъ во градъ вшити» Иное сказ. 29.

Левъ.

«Рождаайся отрокъ еллинъ до вѣстока проидеть, брани творя, акы левъ» Александрія I ред. 12, ср. 16; «устремилъ бо ся баше на поганья, яко и левъ...» Романъ Гал., Ипат. 1202, 419; «иже бѣ изострился на поганья, яко левъ» id. Ипат. 1251, 540; «баше сердце имъ, акы львомъ» ж. Александра Нев., Воскр. 1242, VII, 150; «баху бо яко отроци Давидови, имъ же сердца быша, акы лвомъ» Повѣд. о поб. в. кн. Дим. Ив., Снегирева 59; цесарь «вошяше на своихъ, укрѣпляя ихъ, и възрыкавъ яко левъ, нападе на Туркы» Исканд. 22; «скачетъ по полкомъ всюду, акы левъ рыкая, направляющи воинство» Пов. кн. Катырева 609, ср. 614; «Московстїи же воини, яко лвы рыкая, скорять ко вратомъ градцкимъ» ib. 615.

Пожрети хотяще.

«Поидоша противу ихъ, яко пожрети хотяще» Воскр. 1170, VII, 86; ср. «тогда ярившесь вои ножарли быша Іудейская воя» I. Флавія, Барсовъ I, 242; «и поидоша Мѣстиславичи, кличюче, яко пожрети хотяще» Ипат. 1176, 407; «поидоша на бой противу Володимеру, кличюче, яко пожрети хотяще» Воскр. 1185, VII, 98; «а судовая рать татарская... поидоша на великаго князя рать на судовую, какъ пожрети хотяще» Соф. 2-я 1470, VI, 190.

Эти наиболѣе популярныя образы чисто воинскихъ повѣстей встрѣчаются и въ памятникахъ съ развитымъ религіознымъ элементомъ напр. въ житїяхъ святыхъ:

Звѣри, дивїе и т. д., рыкающїе, жслающїе поглотитъ (въ памятникахъ агиографїи).

Убїйцы св. Бориса «идуще, рыкающе акы звѣрие дивни, поглотити хотяще правднаго... они же акы звѣрие дивни нападоша на нь... (убїйцы Глѣба) устремшася по немъ, акы звѣрие дивни» Чт. Нестора, Срезн. 16, 18; убїйцы св. Бориса «свирѣпу звѣри душу имуще» Сказ. Іакова мн., Срезн. 51 (ср. письмо Дарїя Пору: «прїиде на мя Макидонъ, сверепя звѣри душу имѣя» Александрія I ред., Истривъ 68); «яко же се свирѣпши звѣри нападоша» убїйцы св. Глѣба, Сказ. Іакова мн., Срезн. 57; «они же устремшася на нь яко звѣрье сверьшии, и похытиша его» Убїенїе Игоря 1147, Ипат. 247; «Батый же яко свирѣпый звѣрь възьярися, повелѣ завлати князя Михаила» Ипат. 1245, 528; разбойники устремляются на св. Сергія Нуромскаго, какъ «звѣри дивїи» (Милот. Мин., окт. 7); также названы разбойники въ ж. преп. Харитона (Мак. Миней 27 сент., Археогр. Комм. 1887, 2177). Вообще въ житїяхъ часто такъ называются мучители, напр. въ Георгїевомъ мученїи «дьяволь... поставляетъ князя п царя, яко звѣри

дивія» Пам. отр. лит. II, 101. Несомнѣнно подѣ вліяніемъ подобныхъ произведеній сравненіе это привилось всюду, гдѣ только упоминается страданіе православныхъ христіанъ отъ нашествія иновѣрцевъ, напр.: «навель Богъ за грѣхи наша іс пустыня звѣри дивія (Татаръ)» Новг. I, 1259; въ Сказ. о Тихв. иконѣ Б. М. Шведы называются «плотоядные звѣри» Унд. № 406, 147 об.; то же въ Иномъ сказаніи (Литовцы) 115, ср. еще Лжедимитрій «со своими звѣри, яко на бракъ на кровопролитѣ тщится, лакати крови христіанскія и поядати плоти челоувѣчскія» Ин. сказ. 32; «не попусти дивіему звѣрю поядати избраннаго своего стада словеснаго овчате» Пов. како восх.... Б. Годуновъ, 166.

Левъ, рыкающій, ревуцїй (въ памятникахъ агиографіи).

«Разгнѣвася зѣло и яко левъ рикнувъ» ж. Феодосія Нестора, Чт. О. И. и Др. 1879, I, 25; Срезневскій подѣ словомъ «левъ» приводитъ еще: «левскы же ревы» Григ. Наз. XI в., «яко же левъ на ловѣ» Панд. Ант. XI в., (Мат. для слов. др.-рус. яз., т. I, 1893); царь «взрѣвъ на мученика, яко левъ свѣрѣпый рече» Георг. муч. Пам. отр. л. II, 103; «паки возревѣвъ, аки левъ, злоначальный бѣсъ на святаго» Ж. Сергія Нуромскаго, Милюг. Мин., окт. 7. Вслѣдствіе совпаденія въ идеѣ мученичества православныхъ это сравненіе встрѣчается и въ другихъ памятникахъ—не агиологическихъ, напр. въ Сказ. о Тихв. иконѣ «львовымъ образомъ паки возьярися» Унд. № 406, 158; Лжедимитрій «кровоядный левичищъ» Иное сказ. 32; «богоотступницы и разбойницы, видѣвъ ихъ (иноковъ Симонова монастыря) крѣпость... паче на нихъ разьяришася, яко же лвы ревуще» ів. 110, ср. Авр. Палиц. 503; «онъ же окаянный... аки левъ рыкая» Новая Повѣсть 205.

Что касается выраженій духовной литературы—звѣрь, хотящій поглотить, и «яко левъ рыкая», то онѣ вѣроятно имѣютъ своимъ источникомъ 8-й ст. 5-ой гл. I Посланія ап. Петра: «супостать вашъ діаволь яко левъ рыкая ходитъ, искїй кого поглотити» (ід. Иное сказ. 116).

Изъ указанныхъ и подобныхъ выраженій составлялись *сложныя* картины:

«Онъ же царь змїй (Улу Махметъ), видѣвъ войско московское, уже близъ къ нему грядуще... и всѣдъ на конь свой и взя оружіе свое въ руку и поскрежета зубы, аки дивїй звѣрь, грозко посвиста, аки страшный звѣрь, и ожесточися сердцемъ на брань, яко левъ ревый, огнемъ дыша, противу многихъ воевъ великаго князя съ немпогими наступися» Барсовъ I, 423.

Мамай «сѣченыя своя видѣ, и възъярися зракомъ, и смутися умомъ, и распалися лютою яростію, и наполнися акы аспида нѣкая гнѣвомъ дышущи... что есть великое свѣрѣпство Мамаево? акы нѣкая ехидна прискающе, пришедъ отъ нѣкыя пустыня, пожрети ны хочеть» П. С. Р. Л. VI, 93. Мамай «пойде на Русь, сердигуя, яко левъ, пыхая, яко неутолимая ехидна» Повѣд. о поб. в. к. Дмитр. Иван., Снегирева 2.

Поляки и Литовцы... «левски рыкающе, и змѣински сплюще, и звѣрьски взирающе, отбѣгаху» Авр. Палиц. 503; «измѣнницы суть Російскаго царства, яко злая ехидна огнемъ дыхая на царствующій градъ» Пов. кн. Катырева 605; «дыхая на пролитіе крови» ib. 591 и 606. Вообще въ Повѣстяхъ Смутнаго времени образы змѣи и ехидны, свистящихъ и дышущихъ злобою, гнѣвомъ и огнемъ весьма часты (Иное сказ. 4, 39, 53, 100, 115; Нов. Повѣсть 202, 205; Повѣсть о нѣк. бр. 252, 253 и др.). Ср. «окаянный же Батый дохну огнемъ отъ мерзбаго сердца своего» Пов. о разор. Ряз. Батыемъ, Срезн. 85.

Вышеуказанная выдержка объ Улу Махметѣ приведена Е. В. Барсовымъ въ подтвержденіе того, что «представленіе степной силы—въ образѣ Дивища—крѣпко было даже и въ Московскій періодъ». Такое заключеніе, по моему, должно быть формулировано иначе. Образы, въ которыхъ выражена ярость Улу Махмета, по моему, не являются спеціальными выраженіями степной силы, какъ «Дивища», представленіе котораго мы имѣемъ со временъ Слова о полку Игоревѣ. Эти образы, какъ мы видѣли, употребляются частію для выраженія яростнаго нападенія бойцовъ, частію находятъ себѣ примѣненіе въ агиографической литературѣ при изображеніи ярости дьявола, мучителей, убійцъ и разбойниковъ. Понятно, почему они были приурочены къ Улу Махмету, одному изъ тѣхъ поганыхъ, которые понимались какъ мучители и разорители христіанской вѣры и шли у насъ подъ именемъ «исчадій сатаны» (Кончакъ, Барсовъ I, 217). Для доказательства зависимости изображенія Улу Махмета отъ *агиографической* литературы разсмотримъ еще два выраженія ея «поскрежета зубы» и «змѣй»:

«Они же (Татары) скректаша на нь зубы своими, желающе насытитися крове его (Василька)» Воскр. 1238, VII, 142; бѣсы «скрежетаху зубы своими, на святаго устремляющеса» ж. св. Сергія Нуромскаго, Мил. Минен, окт. 7, 518. Выраженіе это, вѣроятно, заимствовано въ агиографію изъ Псалтири (грѣшникъ на праведнаго—Пс. 34, ст. 16; 34, ст. 12; враги на Псалмопѣвца 111, ст. 10). Оно равно вошло въ повѣствовательную литературу: «яко Ананъ зубы скрегчетъ на вашихъ властель» I. Флавія, Барсовъ I, 242 (на греч. иначе). Ука-

жемъ еще нѣсколько примѣровъ изъ повѣстей: «и предсташа вси (Новгородцы) подѣ Тѣрицю, скрекнующе зубы своими на Тѣриць» 1375 Авраам. XVI, 100 (Тверичамъ помогаетъ святой Спасъ); Задон. Врем. XIV, 7; «зловѣрныхъ же воинство... воскресетавше зубы, съ великимъ суровствомъ устремишася ко обители» Тихв. Унд. № 406, 131 об.; Поляки, желая «святую нашу непорочную вѣру въ кояецъ искоренити», «яко волцы зубы своими скрегутъ» Новая Повѣсть 200.

Зміемъ, какъ мы видѣли, названъ Улу Махметъ, со зміемъ, приходящимъ ко гнѣзду, сравнивается Мамай (Задонщина, Перетць 7), зміями именуется въ Повѣсти о Тихв. иконѣ поганые—Шведы (Унд. № 406, 135 об.). Также называются христіанскіе мучители въ житіяхъ святыхъ, напр.: «глубоки зміи Дадіанъ» Георгіево мученіе, 105. На мучителяхъ житій, а затѣмъ и на поганыхъ врагахъ Руси, въ этомъ образѣ отразилось представленіе о дьяволѣ—«зміи древнемъ» (Апокал. 12, 9). Несомнѣнно это представленіе имѣло вліяніе на переводъ I. Флавія, въ которомъ τὰ κκκὰ (бѣдствія) передано «зміевы злобы». Е. В. Барсовъ почему то видитъ здѣсь «слѣды эпическіе» I, 252. Названіе поганыхъ зміями отразилось и на символикѣ: «орель знаменіе крестьянское, а зміи знаменіе бесерменское» Исканд. 3.

Волки.

Что касается до сравненія съ волками, то кромѣ примѣровъ, приведенныхъ у Барсова I, 241 («възвратитшася, выюще акы волцы» I. Флав., Половци «облизахутся на насъ, акы волцы стояще», Лавр. 1096) и извлекаемыхъ изъ Слова о полку Игоревѣ съ зависящими отъ него памятниками, мнѣ не встрѣтилось ни одного, который бы не находился въ зависимости отъ агиографическихъ памятниковъ или источника ихъ—Евангелія, (развѣ только: «сами, яко волцы, за щиты западше» Ин. сказ. 29). Едва ли возможно объяснять обычныя выраженія житій святыхъ о дьяволѣ, бѣсахъ и мучителяхъ, какъ волкахъ, желающихъ «расхитить овцы словеснаго Христова стада» и т. п., иначе, какъ только соответствующими выраженіями Евангелія (напр. «волкъ расхититъ ихъ и распудитъ овцы, Іо. X, 12, см. еще Мѣ. VI, 15, X, 16, Лук. X, 10, Дѣян. XX, 29). Подѣ вліяніемъ духовной литературы подобныя выраженія мы находимъ, напримѣръ, въ Повѣстахъ Смутнаго времени. Правда, нѣкоторые образы ихъ довольно своеобразны по выраженію, но я думаю, что они зародились подѣ тѣмъ же вліяніемъ. Любимой формулой Новой Повѣсти является «душепагубный волкъ» (200, 203, 208); Лжедимитрій—«овча претворися въ хищника волка, и подшася поядати избраннаго овчате словеснаго стада Христови» Иное сказ. 32; убійцы царевича Дмитрія «яко волцы не-

милостивѣи . . . нападше на святаго . . . «аки волци напрасно завоююще» ib. 8, 15; «напуститася сѣтчи безъ милости, яко же гладнѣи волцы нападше, расторгающе овцы» Ин. Сказ. 114; «сѣи же немилостивѣи волцы восхитиша (Прокопѣя Ляпунова)» ib. 126. Вообще «волкъ» былъ настолько любимымъ образомъ этихъ повѣстей, что его помѣщали во всевозможныя комбинаціи сравненій и приписывали свойства, совершенно ему чуждыя: «тотъ душепагубный волкъ ядь свой изbleвалъ» Новая Повѣсть 203—204; этотъ неудачный оборотъ является несомнѣннымъ отраженіемъ встрѣчающагося въ Иномъ Сказаніи: «изbleва, яко змѣя смертоносный ядь свой» 5, и указываетъ на эпоху смѣшенія и разложенія старинныхъ формулъ.

Нѣкоторыя изъ разсмотрѣнныхъ именъ животныхъ, какъ мы видѣли, служатъ позорнымъ эпитетомъ «поганыхъ». Я не буду перечислять всѣхъ названій враговъ Руси, характеризующія ихъ со стороны безбожія, мучительства и т. п. и имѣющія свой источникъ въ агіографической литературѣ—онѣ извѣстны и повторяются почти при каждомъ упоминаніи о «поганыхъ». Въ большинствѣ случаевъ эти названія употребляются въ видѣ цѣлой группы, причемъ наиболѣе язвительный подборъ ихъ мы видимъ при именахъ вождей, особенно Батюга «окаяннѣйшаго изъ окаянныхъ» (Воскр. 1247, VII, 158), «молніинной стрѣлы» (Барсовъ I, 428), Мамаю—пса, Темиръ Аксака, жизнь котораго дала столько матеріала для позорныхъ эпитетовъ (Пов. объ иконѣ Влад. Б. М., Библ. мат. А. Попова № 19, с. 15, 16, 19, 27), Ягайла, нашедшаго въ лицѣ автора повѣсти о Куликовской битвѣ наиболѣе изобрѣтательнаго ненавистника Татаръ и ихъ союзниковъ, и Лжедмитрія, который хотѣлъ «православную христіанскую вѣру въ отпадшую вѣру съ собою же равно сотворити и костелы вмѣсто Божіихъ церквей создати» Иное Сказаніе 55.

Какъ извѣстно, именованіемъ «поганыхъ» назывались на Руси не только тюрко-татарскія племена, но и вообще всѣ иновѣрцы, что встрѣчается даже въ XVII вѣкѣ, напр.: «о нашествіи богомерзкаго свейскаго короля Густафа съ погаными Латыни» П. С. Р. Л. V, 51. Широкій объемъ понятія «поганыхъ» былъ причиною того, что и къ другимъ народамъ примѣнялись термины тюрко-татарскаго быта: Лжедмитрій «великое войско копить изъ Литвы и иныхъ орды» Иное Сказаніе 39, «слыхалъ ли де еси, говоритъ Лжедмитрій Польскому королю, про Московскаго великаго князя Ивана Васильевича, коль былъ великъ и грозенъ, во многихъ ордахъ бысть славенъ» ib. 23; Смоленцы себѣ славу и похвалу учинили «и въ иныя орды, въ Литовскую и Польскую, и въ иные многіе» Новая Повѣсть, 189; «о по-

славѣи немецкаго короля во иные орды по многіе полки» Пов. о Тихв. иконѣ Б. М. (Унд. № 406).

Обращаясь къ болѣе рѣдкимъ и сложнымъ образамъ, основой которыхъ являются птицы и звѣри, я ограничусь нѣсколькими замѣчаніями. Детальной пересмотръ этихъ образовъ не входитъ въ задачу пастоящей работы, такъ какъ они не составляли опредѣленныхъ стереотипныхъ формулъ. Что касается до ихъ происхожденія, то многіе изъ нихъ, вѣроятно, были обязаны или устной поэзіи, или самостоятельному наблюденію того или другого автора надъ жизнью мѣстной природы. Наиболѣе полную и оригинальную группу упомянутыхъ образовъ представляетъ Слово о полку Игоревѣ. По родственности образовъ къ нему примыкаетъ Галицко-Волынская лѣтопись. Своеобразныя сравненія встрѣчаются въ Никоновской лѣтописи подъ 1216 годомъ. Наконецъ, Е. В. Барсовымъ приведены немногочисленные примѣры изъ другихъ лѣтописей и Девгеніева дѣянія. Если присоединить сюда подражавшія Слову о полку Игоревѣ повѣсти о Куликовской битвѣ и находившіяся въ зависимости отъ послѣднихъ Сказанія объ Азовской осадѣ 1641 г. и Иное сказаніе, то мы будемъ имѣть весь письменный матеріалъ занимающихъ насъ образовъ, который можетъ быть дополненъ лишь случайными примѣрами двухъ, трехъ памятниковъ.

Разсматривая повѣсти, восходившія прямо или при какомъ либо посредствѣ къ Слову о полку Игоревѣ, я замѣтилъ, что большинство образовъ, заимствованныхъ изъ Слова, переработано подражателями. Такъ, напримѣръ, повѣсти о Куликовской битвѣ опредѣлили имена птицъ бытовыми эпитетами ихъ времени и на основаніи данныхъ Слова создали новые образы, не лишеныя жизненной правды. Объ искаженіяхъ упомянуто выше.

Разсматриваемые образы служатъ:

1. Для характеристики войска или героя со стороны отваги, ловкости—«полета»: «дружина же твоя, аки ястребы, и никто не можетъ одолѣть тя» Лѣтопись (гдѣ?) Барсовъ I, 322; Девгеній — златокрылатый ястребъ, братья матери его «поѣхаша, яко златокрылатые ястребы», онъ перескочилъ рѣку «яко соколъ дюжей отъ руку ловца» ib. 321, 322; «и сбиша Угры в мячь, яко соколъ галицѣ сбиваетъ» Ипат. 1097, 178; «приехавшимъ же соколомъ стрѣльцемъ» Ипат. 1231, 512; любимое сравненіе Слова о полку Игоревѣ—соколъ, и т. д.

Въ Задоньщинахъ есть два мѣста, гдѣ въ образахъ, подобныхъ приведеннымъ, представляется шумъ и бряцаніе двигающагося войска: «тогда гуси возгагатали и лебеди восплескали крилами своими, не гуси ж то возгогатали—поганый царь Мамай пришел и воевод своихъ

(ркъсь—воеводство) привелъ Смирн. 281, Врем. XIV 3, 4; «то уже соколи бѣлозерстѣи и ястреби хваруются, отъ златыхъ колодиць исъ камена града Москвы возлетѣша подъ синее небеса, возгремѣша злачеными колоколы на быстромъ Дону» Врем. XIV, 4, ср. Смирнова 281. Обѣ эти картины, несомнѣнно, стоятъ въ зависимости отъ Слова о полку Игоревѣ, но въ тоже время онѣ до извѣстной степени самостоятельны. Первая изъ нихъ создавалась подъ вліяніемъ тѣхъ мѣстъ Слова, гдѣ шумъ двигающихся ордь сравнивается съ крикомъ птицъ (крячатъ тѣлѣгы полунощи, рци лебеди роспущени; а не сороки втрескоташа, на слѣду Игоревѣ ѣздить Гзакъ съ Кончакомъ), причемъ здѣсь замѣтно вліяніе образа дѣвы-Обиды, восплескавшей лебедиными крылами. Вторая картина еще важнѣе для характеристики приемовъ Задонщины. Воспользовавшись выраженіемъ Слова: «се бо два сокола слетѣста съ огня злата стола», и можетъ быть еще: «яко соколъ на вѣтрехъ ширяся», она переработала ихъ чертами соколиной охоты.

Вѣроятно, подъ вліяніемъ одного изъ поэтическихъ текстовъ повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ создавалась слѣдующая картина Иного сказанія: «яко яснѣи соколи на сѣрые утята, или бѣлые кречаты носы чистятъ ко клеванію и вострые ногти къ вонзевію плотемъ, и крыліе свое правятъ, и плеча потязаютъ ко убійству птичному; такожде христіанстѣи поборницы православныя вѣры, воеводы съ христіюлюбивымъ своимъ войскомъ противу сатавина угодника и бѣсовозлюбленнаго его воинства во броня облачатся, оружія и щиты въ руки воспріемлютъ» 32, 33. Близкаго къ этой цитатѣ текста нѣтъ въ Задонщинѣ. Она дала только схожіе образы (ср. Врем. XIV, 4, Смирн. 283: «уже бо тѣ соколы и т. д.»), которыми по своему воспользовался изысканный авторъ Иного сказанія.

Однимъ словомъ, не отказываясь видѣть въ подобныхъ образахъ матеріаль, пригодный для украшенія своихъ повѣстей, подражатели подгоняли ихъ выраженія подъ вкусъ и манеру своего времени и школы, какъ будто боясь, что ихъ архаичность будетъ непонятна. Къ несчастію эти требованія позднѣйшаго времени все болѣе удаляли письменность отъ живого ея источника—устной поэзіи, и чѣмъ долѣе образы вращались въ литературѣ, тѣмъ сильнѣе линяли ихъ краски и композиція ихъ становилась все искусственнѣе. Потому то выраженія, замѣчательныя по своей художественной простотѣ, вродѣ «и сбѣша Угры въ мячь, яко соколъ галищѣ сбиваетъ» (Ипат. 1097), или «видѣ вой свой располощень, аки птичье стадо» (ж. Михаила Твер., Барсовъ I, 434), затерялись въ старинѣ, не оставивъ по себѣ наслѣдія ¹⁾.

¹⁾ Не слѣдуетъ ли считать отраженіемъ стариннаго поэтическаго оборота»

Выше я привелъ сравненіе богатырей Мстислава со львами и медвѣдами (Никон. 1216, X, 71). Въ параллель къ нему вспомнимъ извѣстную характеристику Романа Галицкаго: «устремил бо ся бяше на поганья, яко и левъ, сердить же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ, яко и орель, храборъ бо бѣ, яко и туръ» Ипат. 1201, 479—480, ср. Святославъ—пардусъ, ib. 964 г., 41. На сближеніе съ этой характеристикой напрашивается начало рѣчи Турокъ въ Повѣсти объ Азовскомъ осадномъ сидѣніи: «Вы людие бо-жие царя небѣснаго, казачество волное и свирѣпое, никимъ вы в пустыни не водими и посылаеми, акї сизы орли по разшему (?) воздуху летаєте, или лютые звѣри лви по темнымъ лесамъ рыскаете» Рум. № 1843. Очень своеобразно охарактеризованъ царевичъ Іоаннъ Іоанновичъ во Временникѣ дьяка Ивана Тимоѣева, представляющемъ квинтэссенцію вырождающей книжности: «Явленъ по отцы воста младый инорогъ на противныя, яко же отъ востока даже и къ западу на нечестующихъ, иже земли его пресѣдящихъ, яростнымъ окомъ на ня взирая, вращею юностію ретяся и, яко нѣкій невсѣдомень жребецъ и непрступень обуздоватися, не повиную никому же, свободнѣ отекая, пасяше вѣрныхъ толико стадо, люгѣ на овы дыша огнемъ ярости своей, пламенны искры на тья, отрыгая, пущаше, сосѣдствующимъ варваромъ земля своя бывшую ми обиду иногда той плотскій инорогъ самошественнѣ вскорѣ тѣхъ, яко овца, поразити хотя о Бозѣ уповавъ» 281. Ср. о Михаилѣ Скопинѣ-Шуйскомъ, Ин. сказ. 118.

2. Теперь перейдемъ къ тѣмъ случаямъ, когда разсматриваемая группа образовъ служить для выраженія предзнаменованій ¹⁾.

Крикъ птицъ и звѣрей, понимаемый какъ знаменіе, находимъ въ Словѣ о полку Игоревѣ, отраженіе его—въ Задоньщинахъ, Повѣданіи о Мамаевомъ побойщѣ и въ Словѣ о ж. Дим. Ив. Изъ послѣднихъ произведеній изображеніе этого знаменія зашло и въ Сказаніе объ Азовскомъ осадномъ сидѣніи, см. Смирновъ «О Сл. о п. И.» 144,

вродѣ «(Олгово хороброе гнѣздо) далече залетѣло» С. о п. И., выраженіе Никон. лѣтописи подъ 1216 г.: «и сего не вѣсте..., яко далече естя запли, яко овцы ко лвомъ и т. д.» 71?

¹⁾ Участіе звѣрей и птицъ для нѣкоторыхъ изъ предзнаменованій объясняется связью ихъ съ символомъ побѣды и пораженія—трупами. Характерными представителями этой группы животныхъ являются, конечно, вороны (ср. «ласкосердствующе на златоиманіе, яко же врани на трупъ» І. Флавія, Барсовъ I, 247) и орлы, «яко же писано: гдѣ трупи, тамъ и орли» П. С. Р. Л. VI, 94, Куликов. битва.

145, 184 ¹⁾). Ср. Ипат. 1097: «и вѣставъ Бонякъ, отбѣха отъ рати и поча выти волчьски, и отвыся ему волкъ, и начаша мнози волцы выти; Бонякъ же прибѣха, повѣда Давыдови, яко побѣда ны есть на Угры» 177, 178.

Играніе и крикъ птицъ: «не дошедшимъ же воемъ рѣкы Сяну, сосѣдшимъ же на поли вооружиться, и бывшу знамению сиде надъ полкомъ: пришедшимъ орломъ и многимъ ворономъ, яко оболоку велику; играющимъ же птицамъ, орломъ же клекьщущимъ и плавающимъ криломы своими и воспромѣтающимъся на воздухъ, яко же иногда и николи же не бѣ; и се знаменіе на добро бысть» Ипат. 1249, 532—533; ср.: «и бысть великъ трепеть птицамъ, прелѣтающимъ отъ мѣста на мѣсто, аки горамъ играюще» и т. д., Повѣд. о поб. Дим. Пв., Снегирева 46.

Бой животныхъ: «змій внезапно вышедъ изъ норы, потече по мѣсту (избранному для основанія Царьграда), и абіе свыше орель спадъ, змія похвати и полетѣ на высоту, а змій начатъ укрѣплятись въкругъ орла... Орель же возлетѣвъ изъ очью на долгъ часъ и паки явися низлетающъ и паде съ зміемъ на тожь мѣсто, понеже одолень бысть отъ змія» и т. д. Книжники и мудрецы объяснили цесарю: «орель знаменіе крестьянское, а змій знаменье бесерменское» — исходъ борьбы ихъ предвѣщаетъ временную побѣду надъ христіанами, Исканд. 3.

Помощь небесной силы.

Помощь и заступленіе небесной силы — эпизодъ, весьма распространенный въ боевыхъ описаніяхъ. Это, конечно, находится въ связи съ характерной для древней Руси идеей, воплотившейся въ такихъ словахъ Галицко-Волынской лѣтописи: «яко не отъ помощи чловѣкомъ побѣда, но отъ Бога» Ипат. 1249, 532.

Разсматриваемый эпизодъ имѣлъ нѣсколько схемъ — то очень краткихъ и общихъ по выраженію, то представляющихъ собою картину,

¹⁾ Отраженіе указаннаго предзнаменованія Сл. о п. И. сказалось не только на соответствующей картинѣ Задонщины, но и породило ничего не знаменующее сравненіе Татаръ съ волками, воющими на рѣкѣ Мечи (Временникъ XIV, 3: Смирнова 280, 281). Къ числу образовъ, возникшихъ подъ вліяніемъ художественныхъ картинъ предзнаменованій, не слѣдуетъ ли отнести и плачь Пскова: «прилетѣлъ бо на мя многокрылатый орель» и т. д. П. С. Р. Л. IV, 1510, 287? Что касается до самаго образа орла съ многими крыльями, исполненными львиныхъ когтей, то здѣсь можно предположить вліяніе рисунка грифа новгородско-псковскаго орнамента.

обильную художественными подробностями. И тотъ и другой видъ существовали съ древняго времени, особеннаго же развитія схема такого содержанія достигла со времени татарскаго нашествія.

Прежде всего приведу примѣры, представляющіе зародышъ выраженія заступничества небесной силы. Самымъ обычнымъ оборотомъ въ данномъ случаѣ является—«гоними гнѣвомъ Божиимъ»:

«Мьстиславичи же не доѣхавше... побѣгоша, гоними гнѣвомъ Божиимъ и святѣй Богородицы» Ипат. 1176, 408; «Половци же, узрѣвше Володимеръ полкъ крѣпко идущъ на нихъ, и побѣгоша, гоними гнѣвомъ Божиимъ и святѣй Богородицѣ» ib. 1183, 426, 427 (въ Воскр. л. предпослано характерное добавленіе: «Володимеръ же всю надежду возложъ на Всемиловитаго Бога» и т. д., VII, 98); «они же, видѣвши силу велику, возвратишася вспять, гнѣвомъ Божиимъ гоними» нап. Салтана царевича 1454, Соф. 2, VI, 180; «страхомъ всякимъ одержими и побѣгоша... гоними гнѣвомъ Божиимъ» Мих. Шуйскій и Литовцы 1610, Изб. А. Попова 382; ср. «они вси отвсюду бѣгствомъ отторгошася, Божиимъ гоними страхомъ» Временникъ дьяка Тимоѣева 437.

Выраженіе этой первоначальной схемы имѣло много вариантовъ; причемъ нѣкоторыя изъ нихъ снабжены чертами, которымъ имѣется соотвѣтствіе въ картинахъ и образахъ схемы сложнаго типа (отмѣчено далѣе въ прямыхъ скобкахъ):

«Богъ сохрани градъ..., а поганымъ (Нѣмцамъ) страхъ вложи Богъ въ сердце и обрати я въ бѣгъ» 1342 Воскр. VII, 210 [внезапный ужасъ, какъ причина бѣгства, въ сложныхъ схемахъ развитъ еще опредѣленнѣе]; «и возбрани имъ (Татарамъ, идущимъ на Новгородъ) невидимая сила Христова, и, убоявшеся, не смѣша» Воскр. 1259, VII, 162 [помощь невидимой силы—см. далѣе]; «бывшую же соступу и брани крѣпцѣ, Богъ выпшій возрѣ на иноплемѣнники со гнѣвомъ—падаху предъ хрестьяны» Ипат. 1111, 192 [ср. гибель враговъ отъ «воззрѣнія» иконъ—далѣе]; «и се слышавше (что идетъ Русское войско) Торци, убоявшеся, пробѣгоша и до сего дни, и помроша бѣгающе, Божиимъ гнѣвомъ гоними» Ипат. 1060, 114, 115 [см. далѣе подобныя примѣры гибели въ бѣгствѣ, нпр. Святополкъ] ¹⁾.

Для характеристики того, какъ усложнялась схема, припомнимъ выраженіе помощи небесной силы въ Сл. о ж. и прест. в. к. Дм. Ив. и въ Куликовской битвѣ печатной Степенной книги (см. нап. 9 и 10 стр.).

¹⁾ Совершенно оригинальное выраженіе дѣйствія святыни на враговъ находимъ въ житіи Б. и Гл. Нестора: «ратънии же, яко услышаша Бориса, идуща съ вой, бѣжаша, не дерзнуша стати противу блаженному» Срезн. 12.

Вообще отношеніе простой и сложной схемы можно опредѣлить такъ: все, что въ первой выражено краткимъ оборотомъ рѣчи, который производилъ впечатлѣніе таинственнаго и недоговореннаго, во второй развито въ ясныхъ и опредѣленныхъ образахъ.

Различія въ литературной обработкѣ хорошо выясняются при сопоставленіи примѣровъ одного содержанія. Привожу нѣсколько такихъ примѣровъ — близкихъ между собою не только по основному мотиву, но и по нѣкоторымъ чертамъ схемы: враги бѣгутъ «никимъ же гонимы», гонимые «невидимою силою» (это обычное выраженіе для опредѣленія вмѣшательства небесной силы), ужасы смятенія сконцентрированы въ лицѣ предводителей, которые гибнутъ въ бѣгствѣ (2 случая):

Простѣйшій видъ: «тогда же бысть преславное чудо пресвятыя Богородица, и бѣ дивно тогда видѣти, едини отъ другихъ бѣжаху и никто же гоняше... А на царя Ахмута приде страхъ отъ Бога, и побѣже никимъ же гонимъ отъ Угры по Литовской земли... Егда же прибѣжа во орду, тогда приде на него царь Иванъ Ногайскій и орду взя, а самого Ахмута уби шуринъ его Ногайскій (мурза Ямгурчій)» 1481 г. Соф. I, VI, 21.

Въ слѣдующемъ примѣрѣ развито выраженіе ужаса: въ день принесенія Владимірской иконы Божіей Матери въ Москву «Темиръ Аксакъ безбожный царь убоися и устрапися, ужасеса и смятеса, нападе на нь страхъ и трепетъ, и вниде страхъ во сердце его и ужасъ во душу его, и вниде трепетъ в кости его, и скоро отвержеся и охабися воевати Русския земля. И восхитишася быстрѣ путнаго шествія и воскорѣ гредяху ко ордѣ, а к Руси тылъ показующе, и обратишася сердци своими во свояси, и возвратишася воспятъ без успѣха, возмятошеся и восколибашеся, аки нѣкимъ гонимы баше, не мы бо ихъ устрапихам, но Богъ милосердыя прогони ихъ своею силою невидимою... его (св. Петра митр.) молитвами Господь посла на нихъ страхъ и трепетъ, да окаменятся»; далѣе повторено, что Т. Аксакъ былъ прогнанъ не русскимъ войскомъ, а невидимою силою: «страхъ бо Божиі объятъ его, и гнѣвамъ Божиимъ гонимъ бысть» Сказ. о Влад. ик. Б. М., Библ. мат. А. Попова № 19, 25—27. Въ параллель Т. Аксаку приведенъ Сеннахиримъ, который, послѣ избіенія его войскъ ангеломъ, «убоися зѣло и устрапися. со оставшими своими вои скоро отбеже въ Невевию, и тамо от своихъ дѣтей смерти преданъ бысть» ib. 26.

Въ самомъ древнемъ изъ приводимыхъ примѣровъ ужасъ, бѣгство и гибель переданы въ такой драматической картинѣ: «...одолѣ Ярославъ. А сыи же океанныи Святополкъ побѣже. И нападе на нь бѣсъ, и

раслабѣша кости его, яко не мощи ни на конѣ сѣдѣти, и несяхуть его на носилѣхъ, и приобѣгоша съ нимъ къ Берестію. Онъ же рече: побѣгнѣте—се женуть по насъ. И посылаху противу, и не бѣ гонящаго никого же въ слѣдъ его. И лежа въ немощи и, всхопнвша, глаголаше: побѣгнемъ—еще женуть, охъ мнѣ. И не можаше терпѣти на единомъ мѣстѣ. И пробѣже Ляскую землю, гонимъ гнѣвомъ Божиимъ. И приобѣже въ пустыню межю Чахы и Ляхы. Ту испроверже животь свой злый, и приять возмездіе отъ Господа, яко же показаше посланая на нь рана пагубная, по смерти—муку вѣчную» Сказаніе Іакова мн., Срезневскій 63, 64.

Изображеніе «страха и трепета» отъ небесной силы было очень популярно въ древней литературѣ—для этого существовалъ цѣлый рядъ образовъ, вспомнимъ окаменѣніе въ Сказаніи о Влад. иконѣ Б. М. и расслабленіе въ Сказаніи Іакова. Приведу еще нѣсколько примѣровъ лишенія силы и «ранъ», посылаемыхъ небесною помощію:

«И поидоша полци Половецѣстни... и Великий Богъ вложивъ жалость велику у Половцѣ, и страхъ нападе на ня и трепеть отъ лица Русьскихъ вой, и дрѣмаху самѣ и конѣмъ ихъ не бяше спѣха у ногахъ» Ипат. 1103, 184 (Воскр. VII, 19 «и бяху, яко сонни, и кони ихъ яко спутаны быша»).

«Егда же варвары они (Половцы) быша близъ града Полона, и ту сами богоранною язвою невидими поражени быша. Мнози убо Половци смысла отпадоша, друзіи же ослѣпоша, инѣи же ослабени быша» Степ. кн. I, 308.

«И в той часъ взыде на ратующихъ тма, и паде на нихъ аки щель, и нападе на нихъ трепеть и ужась, нѣцѣи же ослѣпоша» Чудо отъ иконы Б. М. надъ Суздальцами 1169 г., Ст. кн. I, 304.

Для объясненія встрѣтившихся выраженій обезсилія и т. д. важныя данныя представляетъ повѣсть о Шелонскомъ побоищѣ 1471 г.: «Господь свыше посла въ той часъ своего божества невидимую силу, помогая полкомъ великаго князя». Они счастливо преодолѣли препятствія мѣстности «и ступишася вмѣстѣ, бьющеса. И ту сбысться *реченое Пророкомъ*, глаголющамъ: возмятошася и всколебашася, яко пьяни, Новгородци тѣ мужіе, и вся мудрость ихъ поглощена бысть». Последнее мѣсто тѣмъ замѣчательно, что даетъ основаніе искать въ Псалтири источникъ нѣкоторыхъ изъ разбираемыхъ выраженій, ср. «вся мудрость ихъ поглощена бысть» и «мнози убо Половци смысла отпадоша». Въ дальшѣйшемъ текстѣ Повѣсти приведено еще изреченіе изъ Псалтири, которое несомнѣнно повліяло на образы оцѣненія: «и паки рече: «вздремашася, всѣдше на коня своя; ты страшень еси Господи, кто

противу станеть ти»—ср. выше Ипат. 1103: «и дрѣмаху самѣ, и конѣмъ ихъ не бяше спѣха у ногахъ». Приводимая цитата Повѣсти кончается слѣдующими словами объ обезсиленіи Новгородцевъ: «егда бо сташа, ополчившеса, противу ратнымъ полкомъ великого князя Новгородци, и тако ничтоже возмогоша подъяти крѣщѣ рукъ своихъ противу имъ; но сами зѣло возматюшася отъ напразанья луковъ стрѣль ихъ и отъ рукъ оружія ихъ, по пророческому реченью, яко же пишеться: ту падоша вси, творящїи безаконїе, изриновени быша, и не могутъ стати» Соф. I, VI, 11 ¹⁾).

Повѣсть о Шелонскомъ побоищѣ важна для насъ и въ другомъ отношенїи. Именно, въ ней развитъ мотивъ испуга непрїятелей, услышавшихъ непонятный, загадочный шумъ:

Новгородцы бѣжали: «въ лѣсѣ, яко скотъ, бредяху, не вѣдаяще другъ друга, амо же кто идетъ, и гласомъ отовсюду объяти слышахуся, сице глаголющимъ, а уже и женуцимъ, не бѣ ту на мѣстѣ никого же, идѣ же имъ гласи слышатся, яко же уставленъ бѣаше глаголатися ясаемъ полковъ князя великого: Москва» ib. VI, 11.

Мотивъ этотъ старый—встрѣчается уже подъ 1167 г. въ лѣтописи: «се же дивно сдѣяся: въ полунощи бысть громъ силенъ, яко воемъ бродящимся чересь рѣку, и нападе страх на воя Володаревы, и рекоша дружина Володаревы: что стоиши, княже, не поеда прочь; а се ти ся Романъ бродить, а отсюда Давыдъ. И побѣже Володаръ отъ Витебска» Ипат. 360, 361.

Бѣгство непрїятелей, испуганныхъ непонятнымъ шумомъ, находящееся въ завѣсности отъ заступленія небесныхъ силъ, является основною частью сказанїя о приходѣ Крымцевъ на Москву въ 1591 г.:

Крымскїй царь любитъся Москвою съ Воробьевыхъ горъ «и слышавъ великій и страшный громъ и зѣло ударяемый звонъ и разсмотривъ супротивное себѣ благочестивыхъ воинствъ православнаго царя ополченїе, зѣло убоався, и ужасъ велїй нападе на нь, и вскорѣ возвратися со всѣми своимъ злочестивыми воинствы, бѣжа съ великимъ страхомъ, и срамомъ объять бывъ, ниже въ путешествїи бѣжанїя сво-

¹⁾ Въ противоположность обезсиленію враговъ, бойцы, вспомошествоемыя небесными силами, получаютъ особую бодрость и крѣпость: «и невидимую своєю силою Творче Избавителю нашъ побѣди... людіе Русїи, унылы и безооружны, ихъ же убивственная оружія помощю Божїею отъ нихъ отъяша и ихъ оруженныхъ побѣдиша» Ин. сказ. 59. Тотъ же мотивъ отразился въ слѣдующемъ противоположенїи: «начаша гласы трубныя отъ обоихъ странъ сниматися. Татарскїя же трубы аки онемѣша» Повѣд. о поб. Дим. Ив. 49.

его въ ноци мало почити можаше, но гоними быша гнѣвомъ Божіимъ, и молитвами Святыя Богородицы и всѣхъ святыхъ, и со всѣми своими и приведенными погаными народы» О поставл. честн. обители Преч. Богородицы, нариц. Донскія, Сбор. Синод. № 607, 2-й 1/2 XVII в., л. 107; ночью у русскихъ воеводъ былъ «всполохъ», Крымскій царь спросилъ языковъ о причинѣ шума, тѣ сказали, будто идетъ помощь изъ другихъ русскихъ городовъ—Крымцы бѣжали «все бѣжаша, другъ друга топташа», ib. л. 111 (Ино сказаніе). Тѣ же самыя событія включены во Временникъ дьяка Тимоѣева; представляя нѣкоторыя новыя черты, онѣ здѣсь выражены такъ витіевато, что не даютъ яснаго представленія о случившемся. Приведемъ соотвѣтствующее мѣсто Временника, для характеристики любопытной литературной манеры памятника:

«Устрашилъ бо (Христосъ) нечестиваго и со иже съ нимъ, вѣдѣ, ноцными знаменми забралъ всѣхъ каменноогражденъя твердынь градобитныхъ хитростей грома необычная тѣхъ оглашатися слухи, огнепалнѣ многими отрыганій рыканми громогласнаго ужаснаго въ дымѣ огня съ блистанми бѣніемъ многи и словомъ со основаніемъ колебати землю и потрясати небомъ. Сего ради вниде въ пришедшаго царя съ трепетомъ вкушѣ страхъ, въ кости и въ душу его, и къ бѣжанію вспяты со всѣми вои устремися обнощъ, гонимъ во своемъ ему ужасѣ невидимыми поганатыи» 303.

Теперь перейдемъ къ схемѣ, въ которой помощь небесныхъ силъ выражена въ болѣе или менѣе определенныхъ образахъ. Основною ея является видѣніе ангеловъ, святыхъ и Богородицы.

Въ Ипат. спискѣ лѣтописи находится цѣлое разсужденіе, посвященное объясненію ангельской помощи. Значительную часть его занимаютъ библейскіе ея примѣры ¹⁾. «Ангелы бо, глаголю, наша побор-

¹⁾ Повѣсти съ элементомъ ангельской помощи вообще охотно иллюстрируются библейскими примѣрами; кромѣ Ипат. подъ 1110 и 1111 г. (189, 191, 194—196), см. Шелон. поб. въ Соф. I, 1471 г., VI, 10 и др. (см. далѣе). Самымъ популярнымъ примѣромъ является избіеніе ангеломъ 185000 сирийскихъ воиновъ, см. напр. Ипат. 194, Сказ. о Влад. ик. Б. М., А. Попова 26, и Воскр. подъ 1241 г., VII, 148 (Алекс. Нев.). Въ послѣднемъ случаѣ библейскій примѣръ имѣлъ вліяніе на образы самой повѣсти: «бысть же въ то время чудо дивно, яко въ древняя дни при Езикіи цари, егда приде Сенахыримъ царь Асирійскій на Іерусалимъ, хотя плѣнити святыи градъ, и внезапно изыде аггелъ Господень и избѣ отъ плѣка Асирійска 100000 и 80000 и 5000, и воставше утро и обрѣтоша вся трупія мертвыхъ; тако же и при побѣдѣ великаго князя Александра Ярославича,

ники на противныя силы воюющимъ», «таковии же убо и таціи (ангелы Библии) на врага преизяществують» 1111 г., 194. Помощь ангеловъ объясняется тѣмъ, что Господь, раздѣливъ языки, поставилъ предѣлы ихъ по числу ангелъ Божіихъ, «ангелъ приставленъ къ которой убо землѣ, да соблюдаютъ куюждо землю, аще суть и погани; аще Божій гнѣвъ будетъ на кую убо землю, повелѣвая ангелу тому на кую убо землю бранью ити, то оной землѣ ангелъ не воспротивится по велѣнью Божью» ib. 189, ср. 190.

Самая краткая форма выраженія ангельской помощи такова: «и мнози видѣху ангела, помагающа Ярославу» Паремія свв. Б. и Гл. по сп. Барсова I, 254; «мнози же достовѣрніи видяхю ангелы Бижня, помагающа крестьяномъ» Сл. о ж. и о прест. в. к. Дм. Ив., Снегирева 87.

Помощь ангеловъ и т. д. обычно выражается въ какомъ-либо дѣйствіи, хотя есть примѣры въ видѣ простаго видѣнія: «показася имъ сила велика и страшна зѣло, яко тысяць за пять и болѣ... показа имъ (Богъ) свою страшную невидимую силу, идущу... въ помощь благовѣрному царю» Ин. сказ. 106.

Образы разбираемой схемы, какъ я уже сказалъ, обладаютъ большей или меньшей степенью опредѣленности. Есть случаи, въ которыхъ они, такъ сказать, лишь намѣчены:

«(Мъстиславъ) поиде отъ нихъ, изърядивъ полкы, къ Рюрикови Бѣлугороду. И то видивше и убояшася, рекучи: уже ся имъ всяко совокупити на ны с Галичаны и с Черными Клобуки. И возмятошася полци ихъ, и не дождавъше свѣта и въ смятенїи велици не могуцюся удержати, побѣгоша черезъ Днѣпръ... И то видивъ Мъстиславъ, и похвали всемилостиваго Бога и святою Бориса и Глѣба помочь, невидимо гоняще ѣ» Ипат. 1174, 372.

Примѣры вполне опредѣленныхъ образовъ—святые и ангелы посѣбають, называются ихъ имена и т. д. Есть два случая, когда ангелы потопляютъ; ихъ, какъ исключительные, мы приведемъ прежде другихъ:

«Впедѣшу же ему (Угорскому королю) въ горы Угорьскыѣ, посла на нь Богъ архангела Михаила отворити хляби небесныя, конемъ же потопаящимъ, оному же одинако устремившися прияти градъ и землю... Богъ бо попустилъ бѣашеть рану, ангелъ бѣашеть ихъ: сице умираю-

егда побѣди короля объ оны полъ рѣкы Ижеры, идѣже и не бѣ проходно полку великого князя Александра, и тамо обрѣгошася и много множество избіенныхъ отъ аггелъ божіихъ, и обрѣтохомъ много трупїа избіенныхъ мертвыхъ лежаще».

щимъ, инии же изъ подъшевь выступахуть, акы ис червіа, инии же во конѣ влѣзше взомроша, инии же, около огня солѣзшеса и мясо ко устомъ придѣвше, умираху; многими же ранами разными умираху, хляби бо небесные одинако топахуть» 1229 Ипат., 507, 508. Сôдержаніе этого примѣра находится въ связи съ представленіемъ обь ангелахъ, какъ управляющихъ стихіями (Ипат. 1110 г., 189). «Они же сѣкуще я (Литву) и бодуще, вогнаша а во озеро... и тако погрязаху, ангеломъ потопляеми отъ Бога посланнымъ» 1258, Ипат. 556.

«А се слышашъ отъ самовидца, рече ми: яко видѣхъ илькы Божія на воздухѣ пришедше на помощь великому князю Александру. И побѣдивъ Божією силою, и святыхъ Софїи, и святою мученику Бориса и Глѣба, его же ради кровь свою проліяша, и даша ратнии плещи свои, и сѣбахуть, гоняще акы по аеру» Чудс. побоище 1242, Воскр. VII, 151, Псков. 2-я, V, 4.

Новгородцы бѣжали: «и не тако бо зрѣти въ нихъ бѣаше, яко же бы руками чловѣческими побиваемымъ быти имъ, но невидимою силою живого Бога и помощью великого архангела Михаила, воеводы небесныхъ силъ, вси устрашаеми зѣло и много умерщвляеми падаху на лице земли, а инии мечущеса съ конь своихъ» Соф. I 1471, VI, 11.

«И посла Господь Богъ ангела в помощь Русьскимъ княземъ; и поидоша Половецьстии полъци и полъцѣ Русьстѣи и сразишася... И поступи Володимерь с полки своими и Давыдъ, и возрѣвше Половци вдаша плещи свои на бѣгъ; и падаху Половци предъ полкомъ Володимеровымъ, невидимо бѣеми ангеломъ, яко се видяху мнози чловѣци, и главы летяху невидимо стинаемы на землю». Плѣнниковъ спрашивали: «како васъ толика сила и многое множество, не могосте ся противити, но воскорѣ побѣгосте? Си же отвѣщеваху, глаголюще: како можемъ битися с вами, а друзіи ѣздоху верху васъ въ оружьи свѣтлѣ и страшни, иже помагаху вамъ? Токмо се суть ангели, отъ Бога, послани помогать хрестьяномъ» 1111 г. Ипат. 193, Воскр. VII, 122.

«И тако придоша ратници злии на оно мѣсто, идѣ же стоитъ святыи, иния же пришедъ, святыи Меркуріе побѣди всѣхъ, и иныя посрамышася, бѣгу яшася, о горе глаголющи. Люто бо есть братися, яко зримъ молніяносныхъ мужей, побарающая, насъ же немилостивно посѣкающе. Больма же сего—видѣхомъ жену красну, велми превелику, солнцеобразну суцу, яко и мертвыхъ на помощь воставляющи и противу насъ посылающе» Сказаніе о св. Меркурїи Смоленс., рк. Толстова отд. II, Q I, № 399/323, нач. XVI в., 549 об. и 550.

«Видѣша вѣрнии, яко, въ 9-ый часъ біющеса, ангели помагающе хрестьяномъ и святыхъ мученикъ полкы, и воина великаго Христова

Георгія и славнаго Димитрія, и великаго князя тезоименитыхъ Бориса и Глѣба, въ нихъ же бѣ воевода свершеннаго полка небесныхъ силъ великій архангелъ Михаилъ: видѣша поганіи полци двои воеводы: трисолнечныя полки и пламенныя ихъ стрѣлы, яже идутъ на нихъ; безбожныи же Татарове отъ страха Божія, и отъ оружія христіанскаго падаху» Мамаево поб., П. С. Р. Л. VI, 95, ср. Степ. кн. I, 495;

Видѣніе Θомы Хаберцеева: «(Богъ) откры ему видѣніе въ ноци, той видѣв: на высотѣ облакъ изрядно идяше отъ востока, изъ него же изыдоша два юноши свѣтлы, имуще во обоихъ рукахъ мечи остры и ркуще полковникам (или полоненикомъ Татарскимъ): кто вамъ повелѣ трепити отечество наше? намъ бо дарова Господь. И начаша ихъ сѣчи» Повѣд. о поб. в. к. Дим. Ив., Снегирева 47, 48.

Въ повѣсти объ Азов. осадномъ сидѣніи (Рум. № 1843) помощь небесныхъ силъ выражена нѣсколько разъ, и притомъ въ образахъ, особыхъ въ каждомъ случаѣ:

«Скажите намъ, казаки, кто у васъ из Азова города выезжаютъ к намъ, в полки наши туретцкіе, два младыя мужика в бѣлыхъ ризахъ с мечами сотными и побиваютъ они у насъ нашу силу туретцкую всю и пластаютъ людей наших на полы во всей одежде?»

«Побѣжали де паши наши туретцкіе от того, что видѣли паши наши туретцкіе от Азова города, что в ноци видѣли на небесѣхъ идетъ с Руси туча великая и страшная грозная, от вашего росинскаго царства, а пред тою де тучею идутъ два юноши в бѣлыхъ ризах, а несут передъ собою мечи обнадежныя голыя и грозятца они тѣми мечами на наши полки бусорманскіе, и паши де наши туретцкіе того убоялися страху Божія, возмутятся, никѣмъ гоними того ради от Азова города побѣжали».

«Ничем не гоними были, не отъ кого побѣжали в ноци с великимъ позорищомъ и стыдомъ, возмутятся, безбожныя поганые Турки пошли всѣ за море, во свои улусы...»; во время погони за ними казаки «видѣша стоящу посредѣ Азова города на воздухѣ ово жену суцу лѣпу и красну в свѣтлыхъ ризах, по одесную страну держит под руку святы велики пророче и предотеца крестител Господень Иоанъ, во власяницѣ, и по оную страну держитъ велики архiereя Божія святител Христовъ Никола чудотворецъ, в бѣлыхъ ризах. И мы то видимъ, бѣдныя, великое милосердіе Божіе, всѣ падоша на землю ницъ, со слезами. И речет пресвятая Госпоже Богородице, Мати Христа Бога нашего, намъ, казакамъ, тихимъ гласомъ, указываетъ своимъ посохомъ на ихъ бусорманскіе полки: казаки, мужайтесь, и да крепится, да не побѣждаетъ вас и не поиметъ их, безбожныхъ агарен, мечъ; се нынѣ видите вы и сами—они погани бусорманы всѣ побѣгоша во свои по-

гани улусы съ великимъ стыдомъ от вас, казаковъ; но спустил на нихъ Господь Богъ гоненіе великое за ихъ проклятыхъ злоневѣрие. Побегите вы, казаки, и рубите ихъ проклятыхъ, поганныхъ, безбожныхъ агарен, за ихъ бусорманское злоневѣрствіе». Далѣ Божія Матерь указываетъ на разореніе отъ турокъ—«не могу я на престоле своемъ сидити отъ плача и отъ великаго рыданія»... «се нынѣ предалъ Господь Богъ вамъ, казакамъ, въ руки ихъ безбожныхъ агарян, за ихъ бусорманское злоневѣрствіе, а за ваши казачіе великое претерѣнія» (далѣ идетъ предшествующій рассказъ Турокъ).

Всѣмъ указаннымъ примѣрамъ небесной помощи, помѣщеннымъ въ этой вторичной редакціи Повѣсти, въ редакціи первоначальной, основанной на официальномъ документѣ, соответствуетъ слѣдующее:

Во время осады казаки постились и соблюдали чистоту душевную и тѣлесную «и многіе искусные люди видали во снѣ и внѣ тонка сна, овогда жену прекрасну в багряницы, овогда мужа древяна (т. е. древьна) боса, и ихъ атамановъ и казаковъ отъ поганныхъ иноплеменникъ заступающе и на поганые помагающе.. И сентября въ 26 день въ ноче въ нихъ Турскихъ поганныхъ людей, незнающихъ Бога, вниде ужасъ въ кости ихъ и трепеть въ закоснѣная душа ихъ, и за четыре часа до свѣту возмутися побѣжали, никимъ же гоними суть» Сказ. Азов. сѣдѣнія, Изборникъ А. Попова, 394.

Въ исторической редакціи Повѣсти о взятіи Азова въ 1637 г. также есть видѣніе:

«А какъ стояли все великое донское войско подъ градомъ Азовымъ и королевскія люди казаки, і многимъ в то время древнимъ людямъ и подкопщику во снѣ видѣніе было—ови человекъ видаще етера стара, ини же жену свѣтлообразну, и глаголаше намъ, чтобъ поспешили подкопомъ і взятіемъ града, уже бо время приспѣло православной христіанской вѣре быти» Больш. № 305.

Видѣнія Азовскихъ повѣстей находятъ себѣ аналогію въ изображеніи сна Темиръ-Аксака:

«Зря, яко гору високу вельми, и съ верьху горы идяху къ нему святителіе, имуще жезлы златы въ рукахъ своихъ, и претяху ему зѣло. И се внезапно виде надъ святителыми на воздухѣ свѣтъ необыченъ и неизреченно сіяющъ, посреди же свѣта онога великаго явися жена нѣкая, въ багряны ризы одѣянна, славою неизреченною и боголѣпіемъ преукрашенна, и свѣтомъ сіяючи паче солнечныхъ лучъ, окрестъ же ея безчисленное множество страшныхъ и великихъ воинъ пресвѣтлыхъ, и служаху ей, яко царицѣ, жена же она сгояще, рудъ свои къ высотѣ простерши и моляшеса о нѣкихъ, Темиру же Аксаку лютѣ претяща» Степ. кн. I, 552, 553 (въ Никон. лѣтописи кратче);

ср. явленіе во свѣ Александрѣ Македонскому ангела, претящаго ему мечемъ, обличіе котораго было «яко молонія», Ипат. 1110, 190.

Въ Повѣсти объ Азов. осад. сидѣніи (Рум. № 1843) помощь небесныхъ силъ своеобразно выражена въ видѣ бѣгства турецкаго войска отъ лица иконъ, при произнесеніи казаками молитвенныхъ словъ:

«И отпѣвши мы то молебное пѣніе, пошли къ намъ на проломъ к проклятымъ безбожнымъ агарян(амъ), поднявъ свои чудотворные иконы на руки, и крикнули единогласно все единымъ ясакомъ: с нами Богъ, разумѣйте невѣрніи языци, покарайтесь, яко с нами Богъ! И какъ тотъ ясакъ они бусорманы у нас из устъ услышали, что невѣрніи языци покарайтесь, яко с нами Богъ, и увидѣли они, что держимъ мы на рукахъ Предтечу чудотворные иконы близ Азова города у самой стѣны, и нападе на нихъ страхъ великой и трепеть, и побѣжали с того валу».

Въ первоначальной редакціи той же Повѣсти (Изборникъ А. Попова, 324) находится особый видъ схемы, опредѣляющей заступленіе небесныхъ силъ—льются слезы «отъ суха древа» иконъ:

«А то они, атаманы и казаки, многие видали явно отъ образа Иоанна Предтечи отъ суха древа течаху многие слезы, аки струя».

Во вторичной редакціи Повѣсти это мѣсто передано такъ: «во единое время видѣша они в церквахъ божіихъ полны лонпады слезъ источаша отъ тѣхъ чудотворныхъ иконъ» Рум. № 1843.

Параллели, содержащія и объясненіе знаменія:

Когда, при нашествіи Суздальцевъ въ 1169 году, Владимірская икона Божіей Матери была вынесена на острогъ, и нападающіе «пустиша стрѣлы на градъ, яко дождь умножень», «тогда же Божіимъ промысломъ обратися икона лицемъ на градъ, и видѣ архіепископъ отъ святыхъ тоя иконы слезы текуща, и пріяты ихъ въ еелонъ свой. О великое и преславное чудо! Како могутъ быти отъ суха древа слезы? Не суть бо слезы, но милостивное знаменіе. Симъ бо образомъ молится Пресвятая Богородица Сыну своему и Богу нашему за градъ и люди, уповающихъ на милость ея» Степ. кн. I, 303, 304.

«Въ лѣто 6845 (1337), мѣсяца іюля 8 д., явися знаменіе въ Новгородѣ, въ церкви святыхъ Троицы, на Рядитинѣ улицѣ... Таже икона (свят. Богородицы) въ полднѣ сниде съ высоты (помѣщалась надъ дверями) и ста о себѣ, ничимъ же подрѣжима, и быша слезы изъ очію ею. О великое чудо, яко изъ суха древа слезамъ быти! Но и се вѣдомо есть: Богъ прославляетъ свою Матерь, и молитву Ея пріемлетъ, градъ спасаетъ» Воскр. VII, 204.

Ср. истеченіе крови «отъ суха древа» иконы Божіей Матери въ 1408 г., Степ. кн. I, 569, 573.

Въ приведенныхъ выше примѣрахъ мы встрѣтили изображеніе небесной силы въ видѣ молніеносныхъ мужей (ж. св. Меркурія Смол.), полковъ трисолнечныхъ, отъ которыхъ идутъ пламенные стрѣлы (Мамаево побоище), и ангела, претящаго мечемъ, подобнымъ молніи (видѣніе Александра Мак.). Молніеносный и сверкающій образъ ангеловъ извѣстенъ изъ Библии; особеннымъ величіемъ отличается изображеніе, находящееся въ книгѣ пророка Даніила. Вотъ оно, въ передачѣ Ипатьевской лѣтописи (1111 г.):

«И се мужъ одѣнъ въ пѣстро (195 въ багоръ), и лядвля его препоясани златомъ чистомъ, и тѣло его аки Фарсисъ, и лице ему аки молнья, и очи ему яко свѣщи огненѣи, и мышцы ему и плещи подобни мѣди чистѣ, и гласъ его аки народа многа» 196, проще 194.

Разсказывая о столпѣ огненномъ надъ гробомъ св. Феодосія (1110 г.), лѣтописецъ объясняетъ его, какъ явленіе ангела—вожа русскаго на иноплеменники (въ 1111 г.), и такъ говоритъ о внѣшности видѣнія: «се же бѣше не огонь ни столпъ, но видъ ангельскій: ангель бо свце является, ово столпомъ огненомъ, ово же пламеномъ; яко же рече Давидъ: творя ангелы своя духы и слугы своя огонь пламянь... Ангель бо приходитъ... и покажетъ нѣчто мало видинья своего, ово бо огнемъ, ово столпомъ, ово инакомъ видѣнемъ, яко мощно зрѣти имъ» и т. д. (далѣе толкуется столпъ огненный и облачный предъ Монсеемъ, какъ ангель—предводитель), Ипат. 188—189.

Сожженіе непріятелей пламенемъ небесной помощи—образъ довольно обычный въ повѣстяхъ, наприм.: «сила бо Святаго Духа аки огнемъ пожигаетъ ихъ» Повѣд. о поб. в. к. Дим. Ив., Снегирева 60.

Есть случаи, гдѣ огонь исходитъ отъ лица иконъ:

В. к. Андрей Юрьевичъ носилъ на брань крестъ и икону Богоматери. Онъ молился: «Азь, грѣшный рабъ твой, имѣю тя, Госпоже, стѣну и покровъ, и крестъ сына твоего оружіе на враги обоюду остра и огонь попадая лица противныхъ нашихъ, хотящихъ съ нами брань». Побѣдивъ Болгарь, князь молился предъ иконою, «и видѣша вси лучи огненныя отъ иконы Спаса нашего Бога Владыки, и весь полкъ его окрестъ озари» Степ. кн. I, 299.

«И видѣша (Половцы въ Преображенской церкви Семыня) отъ образа пречистыя Богородицы, иже на иконѣ, пламя огненныя исходяща, и попадающе ихъ, тако же и у другого града, Полона, отъ святаго образа Богородична, иже бѣше на иконѣ написанъ, видѣша пламя огненная исходяща и пожигающа ихъ, и овѣи отъ нихъ в той часъ изомроша, инѣи же скоро отбѣжаша» Степ. кн. I, 314.

Чтобы покончить со знаменіями, сопровождающими нашествіе не-

пріятелей, приведу примѣры уносящагося изъ церкви свѣта, что толковалось какъ потеря благоволенія Божія:

Ночью 21 мая «освятися градъ весь»... «собравшимся же людемъ мнозѣмъ, видѣша у великія церкви Премудрости Божіа у верха изъ воконъ пламеню огненну велію изшедшу, окружившу всю шею церковную на длгъ часъ, и собрався пламень въ едино, пременися пламень, и бысть яко свѣтъ неизреченный, и абіе взяты на небо... Свѣту же оному достигшу до небесъ, отверзошася двери небесныя и, пріявше свѣтъ, пакы затворишася». Патріархъ такъ истолковалъ знаменіе: «свѣтъ убо неизреченный, иже бѣ съдѣйствуя въ велицѣй церкви Божіа Премудрости съ прежними свѣтильникоу и архіереи вселенскими, такоже и ангель божій, его же укрѣпи Богъ при Устиніанѣ песари, на съхраненіе святыхъ великіа церкви и граду сему, въ сію бо ноць отыдоша на небо: и се знаменуеть, яко милость Божіа и щедроты Его отыдоша отъ насъ, и хочеть Богъ предати градъ нашъ врагомъ нашимъ» Пов. Искандера 23, 24.

«Овогда на царственномъ дворѣ его (Феодора Іоанновича) въ носци коегождо часа отъ храма боголѣпнаго Преображенія Спасова и отъ двора его исхождаше свѣтъ, взимашеся на высоту; и тако разумѣхомъ, яко присѣщеніе Божіе отыся отъ нихъ, и власть милости Божіа отыде отъ дому ихъ» Пов. кн. И. А. Хворостинна, 533.

Группа образовъ и ихъ выраженій, приведенная мною, далеко не исчерпываетъ всѣхъ сторонъ литературной схемы повѣстей, посвященныхъ изображенію битвъ, войнъ, нашествій. Да и тѣ черты схемы, которыя вошли въ сдѣланный мною обзоръ, извлечены не изъ всѣхъ памятниковъ этого типа. Настоящая статья есть лишь попытка разобрать и классифицировать художественный матеріалъ повѣствовательныхъ произведеній извѣстнаго рода. Что касается до способа классификаціи, то онъ довольно механиченъ, и въ нѣкоторыхъ ея частяхъ замѣчается искусственность подбора. Начиная работу, я хотѣлъ исполнить ее по болѣе широкому плану, на примѣръ—она должна была представить источники приведенныхъ образовъ. Но, по мѣрѣ хода труда, я убѣдился, что первоначальный его планъ требуетъ особаго изслѣдованія иноязычныхъ памятниковъ и ихъ славянскихъ переводовъ, а это по многимъ условіямъ я не могу исполнить въ настоящее время. Недостаткомъ моей статьи является и то, что я цитировалъ тексты не въ первоначальныхъ и лучшихъ редакціяхъ, при чемъ не всегда руководствовался качествомъ изданій, а пользовался тѣми, которыя мнѣ выпадали случай достать.

Обзоръ привлеченныхъ мною образцовъ и выражений показываетъ, что схемы и формулы повѣстей воинскаго типа немногосложны, и что развитіе ихъ шло довольно медленно. Многіе изъ нихъ пережили 6—7 вѣковъ, почти безъ всякаго измѣненія. Однообразное повтореніе и незначительность видоизмѣненія повѣствовательнаго шаблона не можетъ, однако, свидѣтельствовать о скудости поэтическаго творчества въ древней письменности. Въ настоящее время, когда способы выраженія человеческой мысли такъ умножились и развились въ связи съ измѣненіемъ культуры, мы имѣемъ большой запасъ словъ, выражений и образцовъ, новыя идеи дали жизнь новому литературному стилю. Въ средніе вѣка русской письменности внѣшность ея произведеній была менѣе богата, мы имѣли меньше матеріала для выраженія и, поэтому, дорожили имъ—отсюда повтореніе и нѣкоторое однообразіе схемъ и формулъ. Вообще, я думаю, что пользованіе стереотипнымъ шаблономъ, довольно ограниченнымъ въ объемѣ и реальнымъ только въ первыхъ своихъ проявленіяхъ, есть общее свойство среднихъ вѣковъ. Только однѣ національности быстрѣе развивали внѣшность своихъ литературныхъ произведеній, другія медленнѣе отвыкали отъ привычныхъ традицій. Медлительный характеръ жизни разсматриваемой литературной формы зависѣлъ отчасти отъ условій русской жизни до ея рѣшительной европеизаціи въ XVIII вѣкѣ. Жизнь народа за эти вѣка отличалась строгою консервативностью—все строилось по обычаю и преданіямъ старины, влагалось въ выработанныя ею рамки, чему способствовала національная и религіозная исключительность Руси «старозавѣтной». Такой характеръ русской жизни отразился и на литературномъ творчествѣ, въ разнообразныхъ его видахъ. Чисто внѣшней причиной стереотипизированія формъ является то обстоятельство, что большинство письменныхъ памятниковъ было встарину расклассифицировано по родству типовъ въ сборникахъ опредѣленнаго состава. Эти кодексы служили образцомъ литературной манеры для книжниковъ, дополнявшихъ ихъ составъ и подражавшихъ имъ въ новой работѣ. Къ нимъ относились, какъ къ сводамъ узаконенныхъ литературныхъ приемовъ.

Что касается степени художественности схемы воинскихъ повѣстей, то многіе ея образы были созданы съ истиннымъ драматизмомъ и чувствомъ мѣры. Особенно это можно сказать о характерной части этой схемы—о картинѣ боя. Композиція ея не сложна, образцовъ немного—но всѣ они сдѣланы эпиграфически. Стиль ея—стиль надписи на древнемъ памятникѣ; краткая и сильная, передаетъ она въ немногихъ словахъ цѣлую повѣсть человеческихъ волненій и страданій.
